

МИХАИЛ САВИНОВ

БЕЛЫЙ КРЕМЕНЬ

Михаил Савинов

Белый Кремень

«Издательские решения»

Савинов М. А.

Белый Кремень / М. А. Савинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901815-1

В Мире Племян металл ещё не появился. Здесь сражаются каменными копьями и чтят богов верхнего мира во главе с Отцом Вороном. Здесь путь к имени мужчины лежит через опасные испытания, а лучшая судьба для воина — стать героем, чью славу подтвердят во всех родах его племени. Мужское имя и слава — заветная мечта юноши Энке из племени тавальдов. Но труден путь к мечте, если твою семью изгнали в леса, отец погиб на охоте, а самого захватили в рабство враги!

ISBN 978-5-44-901815-1

© Савинов М. А.
© Издательские решения

Содержание

Рассказ о происхождении героев	6
I	8
II	15
III	20
IV	24
V	29
VI	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Белый Кремень

Михаил Авинирович Савинов

© Михаил Авинирович Савинов, 2017

ISBN 978-5-4490-1815-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ о происхождении героев

Откуда пошёл на земле род героев? Говорится так.

В старое время было двенадцать родов людей, все они чтили Ворона. Жил тогда Ханга Тлюх. Было у него на воспитании семь сыновей вождей семи родов. Ханга Тлюх учил их охотиться на всякого зверя, птицу и рыбу. А своих сыновей у него не было.

Вот однажды пошли они на охоту на полной луне, и зашли далеко-далеко. Видят — соскочил с луны белый олень, и помчался по лесу. Схватили сыновья вождей свои луки.

Ханга Тлюх им говорит:

– Не стреляйте в оленя! Не простой это олень, и принадлежит он, должно быть, Хозяйке луны.

Не послушали его сыновья вождей, выстрелили в лунного оленя, и ранили его. Пролилась на траву кровь, белая, как молоко.

Ханга Тлюх сказал:

– Не послушали вы меня, теперь придётся нам туго. Нельзя бросать раненую дичь. По следу пойдём.

Выжидали они некоторое время, потому что и тигр за раненым зверем сразу не идёт. Потом пошли по следам белой крови. Долго идут. Весь следующий день гнали лунного оленя. Вдруг на заходе солнца вышел перед ними из земли гриб величиной с человеческий рост.

Сыновья вождей говорят:

– Устали мы и хотим есть. Съедем гриб и дальше пойдём по следу лунного оленя!

Ханга Тлюх опять их унимает:

– Нельзя есть этот гриб, он не простой и послан в испытание. Укрепите себя, ведь пристало охотнику переносить лишения!

Рассердились сыновья вождей:

– Не хотим тебя слушать! Ведь сказано – кто из двоих воспитывает для другого ребёнка, тот из них и меньший!

Взялись они за волшебный гриб. Закричал гриб, из земли вылезать не хотел. Всё же выкрутили они его, развели костёр, вырезали вертел из можжевельника, вздели гриб на вертел и зажарили его.

Как съели сыновья вождей тот гриб, ощутили они в себе большую силу. Бросились они вновь по следу лунного оленя, так что Ханга Тлюх еле за ними поспевал.

Не пробежали сыновья вождей и половины ночи, как налетел на них бурый дух поноса, и жестоко стал мучить. Взмолились они:

– Воспитатель наш Ханга Тлюх! Пойди дальше один за оленем, ведь кажется нам, что мы сейчас погибнем!

Ханга Тлюх сказал так:

– Вот и сбылось то, о чём я вам говорил, и теперь будет только хуже. Но нельзя бросить оленя, и я пойду за ним, а вы ждите меня здесь.

Пошёл он один дальше по следу. Не слишком долго шёл, как вывел его белый след на большую поляну. Видит Ханга Тлюх – лежит посреди поляны лунный олень.

Ткнул он оленя копьём. Не шелохнулся олень, мёртвый был.

Попросил Ханга Тлюх прощения у лунного оленя, вынул нож и собрался свежесвать. Вдруг земля под ним дрогнула. Услышал он тяжкий топот, и увидел, как валяются в лесу деревья, одно за одним, ближе и ближе.

Вот упало дерево совсем близко, и вышла на поляну огромная хищная свинья с горящими глазами. Клыки у неё были длиной с человечесью ногу, а на спине свиньи сидела обнажённая женщина с белой кожей и волосами жёлтыми, как песок.

Разинула свинья пасть на Ханга Глюха, зарычала. Увидел он, что сидят меж свиных зубов семь человеческих души, и поют они тонкими голосами зауспокойную песню. Понял тогда Ханга Глюх, что не спасся никто из сыновей вождей, а теперь и ему не спастись.

А женищина, что сидела на свинье, была высока ростом и хороша собой. Широки были её бёдра, а каждая грудь была больше головы взрослого мужчины. Распалился Ханга Глюх, и восстала его плоть. Заметила то женищина, усмехнулась и говорит:

– Мало тебе, Ханга Глюх, что твои щенки оленя моего убили, ты ещё и саму меня нагнуть решил!

Ханга Глюх ответил так:

– О Белейшая, знаю я, что не уйду живым, но нет у меня иного последнего желания, кроме этого! Ведь будет это куда больше того, что доставалось на долю любому из мужчин человеческого рода.

Сошла тогда женищина со спины свиньи, предстала перед ним и говорит:

– Что ж, вонзай, да смотри, постарайся хорошенько, не то ждёт тебя самая жестокая изо всех смертей!

Постарался тогда Ханга Глюх, как только мог. Обошёл он с той женищиной, как олень с оленухой осенью, и как медведь с медведицей в конце весны. Стало женищине хорошо, и возопила она под ним великим криком, от которого тучи разошлись в небе, а сам Ханга Глюх без чувств упал на землю.

Долго ли, недолго лежал – очнулся. Вдруг опять задрожала земля, послышался топот, вышла вновь на поляну свинья с женищиной на спине. И увидел Ханга Глюх, что в руках она держит свёрток с младенцем и кожаный мех, в каких носят воду.

– Повеселил ты меня, Ханга Глюх, – сказала она, – и вот за то моя награда роду людей. Вот сын твой и мой, а в кожаном мехе – молоко небесной тигрицы. Выкорми этим молоком ребёнка, воспитай его, и будет он защитником людям, много подвигов совершит...

Принял Ханга Глюх у неё младенца, и сказал:

– О Приносящая Дичь, раз уж тебе понравилось, выполни мою просьбу. Помилуй сыновей вождей, ведь в ответе я перед их отцами.

– Велика твоя наглость, человек, – сказала Хозяйка луны, – но будь по-твоему, ведь принадлежат храбрым все три мира, а ты храбр.

Отпрыгнула тогда свинья сыновей вождей. Не имели они повреждений, но были очень бледны, и лежали на траве, словно мёртвые.

– Брызни на них молока тигрицы, – сказала женищина, – да смотри, много не трать! Прощай теперь, Ханга Глюх!

С этими словами вскочила она на свинью и вознеслась на луну.

Оживил Ханга Глюх сыновей вождей. Открыли они глаза и говорят:

– Долго же мы спали! Снилось нам, что наехала на нас Белая Цетау, и отдала своей свинье на съедение.

– Молчите, – сказал им Ханга Глюх, – и не зовите большие Удачу охотников её прямым именем. А теперь пора нам домой.

Воспитал Ханга Глюх того ребёнка, сына своего и Хозяйки луны. Вырос из младенца великий герой, о котором есть свои сказания. Девять жён из разных родов было у того героя, и от всех были дети, а у тех были свои дети. С тех пор живёт на земле род героев, но немного их, ведь были те девять жён не из геройских родов. И говорят, что не носить человеку звания героя, пока не совершит он такого подвига, которому будут свидетели из неподвзятых людей.

I

Скажет лес о враге:

Зацокает белка,

Вздрыгнет трава

И олень прокричит...

«Перечень тавальдов»

Когда хищная свинья сожрёт человека, дух этого человека поселяется у свиньи под языком и зовётся *кёйокук*. Отныне он в плену, и нет ему воли, пока жива та свинья. Отец рассказывал маленькому Энке – однажды охотники-тавальды убили хищную свинью, и над тушей встал *кёйокук*, видом как человек, только очень бледный. Он поклонился охотникам, а потом пропал в лесу.

Энке минуло пятнадцать зим, а отец... Отец и сам стал теперь *кёйокуком*.

Двенадцать дней назад.

Тогда они отправились на север – разведать поселение бобров на однойдалёкой речке. Оба взяли копья. Отец – своё, настоящее, с остриём из белого кремня и разрывными знаками на древке. Энке взял своё – без каменного наконечника, с заострённым деревянным концом. Такое копьё считалось «детским», и отец обещал ему сделать этим летом настоящее копьё, оружие охотника и воина. Ведь Энке исполнилось пятнадцать зим, и он должен был проходить в этом году Испытание и получить взрослое имя. Но кто станет устраивать обряд изгнаннику?

Впрочем, отец сказал ему весной:

– Сын, ты умеешь больше любого мальчишки твоих лет из нашего бывшего рода. Ты готов. Я тебя сам испытаю по всем правилам, и дам тебе имя.

Испытание по обычаю приходится на День большого солнца. Вот, пожалуйста, до Дня осталось всего ничего, и...

Отца нет. И никакого Испытания не будет.

Впрочем, «детское» копьё было хорошим оружием, оно нравилось Энке. Сработанное под его рост из крепкого молодого клёна, оно хорошо слушалось хозяина и ни разу не подвело. Самой большой удачей копья стала молодая косуля, которую Энке добыл прошлой осенью. Сам добыл, один, без всякой помощи отца. Всё сделал правильно – выследил, подобрался с подветренной стороны, метнул копьё, поразил, выждал, пошёл по кровавому следу, добрал и разделал. Теперь шкура косули вшита в его рубаху, а из маленьких рожек вышла отличная рыболовная острога.

...Они вышли рано утром, и шагали без привала почти половину дня. Наконец, услышали шум ручья, текущего через плотину бобров. И вдруг отец встал, как вкопанный, даже ногу на землю не опустил – из папоротников навстречу им выкатился полосатенький поросёнок. Полоски на его шкуре были тёмные, как у совсем маленьких детёнышей обычного кабана, но ростом этот малыш был выше колена взрослого человека.

– Беги... – еле слышно выдохнул отец, рукой отталкивая Энке назад.

Полосатый тоненько визгнул. И тут же между осинками возникла мать-свинья.

Сначала Энке увидел только высокую тень, потом отец толкнул его сильнее, крикнул: «Не оглядывайся!», потом Энке прыгнул вперёд и пробежал пару шагов, потом сзади раздался крик отца и Энке нарушил приказ, оглянулся.

Он увидел, как свинья длинным рылом подбросила отца вверх и уже в воздухе перехватила зубами поперёк туловища. Страшный крик оборвался влажным хрустом. На смятый папоротник брызнула кровь.

И тогда Энке бросился на свинью – с детским копьём против огромного зверя, чей рост превосходил человеческий почти в два раза.

У него не было чёткого замысла, он вообще плохо сознавал, что происходит. Ясной была лишь одна мысль – нельзя бросить отца, надо что-то делать. Повезёт – поразить свинью, а суждено погибнуть – так вместе.

Энке с криком прыгнул вперёд и вверх, надеясь угодить остриём копья в свиню глаз. Но зверюга, не выпуская тело отца из пасти, мотнула головой, и юноша промахнулся. Копьё оцарапало крепкий покатый лоб, вырвалось из рук и хрустнуло. Сам Энке полетел под копыта твари.

Он чувствовал тяжкую вонь свиньи и ждал клыка в живот. Сейчас бросит отца – и займётся им. Ну и пусть... Но хищница, должно быть, всё же была озадачена его атакой, а может статься, и дух-покровитель оказался, наконец, где-то поблизости. Свинья лишь крепко лягнула его, и скрылась в лесу, унося отца так же легко, как куница тащит лесную мышь.

От удара свиного копыта Энке упал навзничь, ударился головой об осиновый корень и потерял сознание. Когда он очнулся, солнце уже стояло низко.

Энке повёл головой по сторонам.

В двух шагах от него кровь отца лизал волк.

Энке попытался встать – тело пронзила боль. Рука хлопнула по земле в поисках копья – копья не было. Волк спокойно повернул к нему голову и обмахнул языком нос.

Юноша открыл рот для Заклинания Волка – хотя они с отцом и так произнесли его перед выходом в лес. От волка-то сказали, а от свиньи – нет, не пришло в голову...

Но заклинание не понадобилось – волк облизнулся ещё раз и беззвучно исчез в папоротниках. И тотчас на том месте выросла фигура человека.

Человек – а может, и не человек, не вышел из-за деревьев, не выскочил из сумрака леса – он просто появился в воздухе над кустами черники. Перед Энке стоял старик с белыми волосами, глаза его были прикрыты. Ростом дедушка был примерно по пояс взрослому мужчине.

«Отца не жди! — сказал беловолосый низким, глухим голосом. – Иди домой. Быстро иди, не оглядывайся».

Энке внял. Через боль, стиснув зубы, поднялся. Поискал в папоротниках – отцово копьё нашлось, но было переломлено пополам, как и его собственное. Энке подобрал кусок с кремневым наконечником и, опираясь на обломок, пошёл домой — в ту сторону, где на маленьком ручье, впадающем в Пограничную реку, стоял их *хабаган* из жердей и коры.

Путь назад занял у него всю ночь и больше половины следующего дня. Медленным шагом, а где и ползком, продвигался Энке по лесу, оставляя запах своей крови, сочившейся при каждом резком движении из разбитой головы. Стоило выйти на этот запах медведю, или той же свинье – и всё было бы кончено в один миг. Но беловолосый покровитель, наверно, всё же был рядом. С путающимся сознанием, кровавый и грязный, Энке ввалился в *хабаган* и следующие сутки проспал, как труп.

Пока Энке спал, мать и младшая сестрёнка Эйя не отходили от него. Промывали и перевязывали раны. Пели, сменяя друг друга, *возвратные песни*. И Энке вернулся в мир людей, открыл глаза.

Когда он рассказал, как было дело, мать задумчиво произнесла:

– Ты, верно, духа-покровителя видел. Хороший знак. Наши старухи говорят: кто видел своего покровителя – того трижды несчастье обойдёт.

Энке, строптивый и язвительный с детства, не удержался. Спросил, слабо ворочая языком:

– Мать, а на четвёртый раз что будет?

Лежал он дней шесть. Потом заставил себя подняться и начал понемногу ходить. Нельзя долго лежать, отец говорил – «Кто лежит – гибнет!» Сытый житель селения ещё может позволить себе такое – заболеть, шамана звать, лечиться. А изгнанник, в чей *хабаган* в любой миг может сунуть морду свинья, тигр или медведь – никогда.

По отцу они сложили *тэр* и поставили туда все полагающиеся жертвы. Свиньи, кроме одной, не вечны. Освободится дух отца, придёт, поест... Потом спели заупокойную песню и стали учиться жить втроём.

* * *

...Энке проснулся лицом вверх. Когда он это понял, то ощутил досаду на самого себя – значит, спал на спине, раскрыв рот и, вероятно, похрапывая. Плохо. Раны и болезни – не оправдание слабости. Он охотник и воин, пусть у него пока и нет взрослого имени...

Над ним, у отверстия в крыше *хабагана*, клубился синеватый дым, подсвеченный лучом солнца. Опять плохо – солнце уже высоко, он слишком долго спит.

Ровный негромкий стук наполнял жилище – мать крошила сушёное мясо. Энке вздохнул и сел на оленьей шкуре.

Мать сидела на обычном месте женщин – слева от входа. Впрочем, женщина в *хабагане* – уже необычно само по себе. *Хабаган* – жилище охотников, его ставят там, где промышляют бобров и ловят рыбу, что в нём делать женщине? Но теперь так...

Вообще-то у них всё непривычно для временного жилья – и тщательно застеленный старыми шкурами пол, и крошечный деревянный орёл над входом, и глиняный горшок, вкопанный у очага. Разве что земляных лежанок не хватает, хотя и про них отец думал, хотел на будущий год поставить новое жильё и заглубить его в землю, как в селениях...

– Проспал я, мать... – пробормотал Энке.

Мать подняла на него глаза и улыбнулась.

– Значит, так надо было, – сказала она, вновь принимаясь крошить молотком тёмные волокна. – Твоё от тебя не уйдёт...

– Эйя где? – спросил Энке.

– Вершу проверять пошла, – ответила мать, прихватила расщеплённой палкой камешек из очага и отправила его в горшок. Струйка паравзметнулась вверх с коротким шипением, и тотчас второй раскалённый камень последовал за первым. Пар закрутился, смешиваясь с очажным дымом, а мать вдруг сморщилась и закашлялась.

Энке вздрогнул. Вот, опять этот кашель старых людей, который в Лососьем роду считался верным предвестником смерти. Никогда до этой весны он не замечал у матери никакого нездоровья... Надо лечить, но что он знает об этом? Травы и лечебные песни – знание женщин. Конечно, охотники умеют и рану заткнуть, и лубок на сломанную ногу соорудить, но все болезни человеческого нутра – не их забота. Да и редко болеют нестарые люди: если в детстве не умер – скорее всего, до старости не закашляешь, разве что порчу нашьют.

Мать спустила мясо в нагретую воду, и улыбнулась Энке – мол, всё в порядке, всё совсем не так плохо... Энке перекатился через шкуры ко входу и вылез наружу.

Утро тихое, облачное, ветра нет совсем – даже большие осины почти не бормочут листьями. Дым очага стелется по лесу. Только этот дым и выдаёт присутствие здесь человека – сам *хабаган* надёжно укрыт свежими еловыми лапками. Можно в двух шагах стоять и не знать, что это жилище, а не кусочек густого ельника. Впрочем, это укрытие – от человека, не от зверя. Тот через любой лапник поживу чувствует. Правда, зверь обычно дыма боится, думает – пожар...

От порога *хабагана* земля уходит вниз – к небольшому ручейку. Оттуда они берут воду. Раньше выше по течению жили бобры, совсем недалеко было. Четырёх добыли они в прошлом

году, а в этом хатки оказались пустыми. Сваленные осины ещё гнили по берегам ручья, но свежих погрызов больше не было. Ушли бобры, оттого-то и отправились Энке с отцом на поиски новых гнёзд, да не в добрый день...

Энке спустился к ручью, ополоснул лицо холодной водой.

За его спиной качнулись еловые лапы. Энке резко обернулся – перед ним стояла Эйя. В руках она держала плетёную вершу, и намётанный глаз Энке уже видел, что в ловушке никого нет.

Сестрёнке четырнадцать зим сейчас, и она уже носит взрослое имя. Хорошее имя – Эйя, то есть «лиственница». Такая она и есть – прямая, высокая и крепкая. Как и лиственница, Эйя никогда не болеет, хотя ей приходится иногда лечить других. В селении всем детям занозы вытаскивала и даже раны заговаривала – тайком, чтобы не попало от старших...

– Полюбуйся!

Эйя бросила наземь вершу. Теперь Энке заметил, что в плетёной ловушке зияет большая дыра. Тонкие прутья по краям дыры были аккуратно обрезаны зубами водяной крысы.

– Плохо дело, – сказал Энке, и тут же подосадовал на себя – этого можно было и не говорить, и так ясно, что плохо.

Мать высунулась из *хабагана* и махнула рукой, приглашая их к завтраку.

Мясо, разбитое молотком и подогретое с травой в тёплой воде, было невыносимо жёстким. После еды Энке сказал:

– Я на Пограничную реку пойду, в заводь. Там сазаны стоят. Буду острогой колоть. И петля у меня на оленьей тропке поставлена, проверять надо.

Мать внимательно посмотрела на него, чуть сощурилась, будто от дыма, и покачала головой.

– Что? – не понял Энке. – Всё хорошо со мной!

– Не об этом я, – снова покачала головой мать и махнула рукой.

Энке взял свою острогу – ту самую, из рожек косули, и поспешно выбрался из *хабагана*. Эйя выскочила за ним.

– Ты... ты вот что, – забормотала она, не зная, с чего начать.

– И ты туда же? – спросил Энке. – Вам сегодня что, одно и то же приснилось?

Сестра перестала мяться, посмотрела ему прямо в глаза и сказала отчётливо и ясно:

– У меня никогда раньше не болело сердце. А теперь болит. Всё утро болит. А что видела мать, я не знаю...

Энке вздохнул.

– Вы, мужчины, не верите в такое, я знаю, – сказала Эйя совершенно взрослым голосом. – Если бы верили – не ходили бы ни на охоту, ни на войну...

– Но ведь никто за меня не сходит теперь ни на охоту, ни на войну! – сказал Энке.

Эйя опустила взгляд в землю.

– Никто не минует своего пути... – очень тихо произнесла она. – Иди...

Энке слегка наклонился и заглянул в её глаза.

– Печёный сазан, сестрёнка! Горячий печёный сазан. Думай о нём, не обо мне!

Из *хабагана* послышался кашель матери.

Энке подхватил острогу и зашагал в лес, на ходу бормоча охранные заклинания от зверей и змей.

...Вот уже второе лето проводили они в изгнании, на ничейной земле близ Пограничной реки.

Изгнал отца вождь Уэнунт. Обвинение было вздорным – будто бы отец состоит в тайном Обществе Норы и готовится принести одного из сородичей в жертву некоему могучему духу

нижнего мира. Никто в Лососьем роду не знал, чем занимается Общество Норы, да и есть ли оно на свете, но испугались многие. А ещё ходили гнусные слухи, что Уэнунт подкупил колеблющихся сородичей раздачей меховых одеял. Как бы там ни было, собрался большой совет, и лучшего охотника Лососьего рода отправили из селения вон вместе с семьёй. Вот тогда и построили они свой *хабаган* на западе, в низовьях реки, разделяющей владения тавальдов и тайверов.

Энке хорошо помнил день изгнания. Мужчины сидели на площади посерди селения, спорили, поднимали руки. Уэнунт стоял под священным столбом, говорил много и громко. Потом все они что-то решили, и разошлись. Почти все, встречаясь взглядом с ним, или отцом, или Эйей, отводили глаза. Ещё утром он плывал наперегонки с другими мальчишками – и вот они уже смотрят вбок. Это было непонятно и страшно, и он спросил отца, а тот положил ладонь ему на голову и сказал:

– Так бывает. Потом расскажу. Теперь надо собираться...

Отец сдержал слово и спустя некоторое время рассказал ему всё об Уэнунте и Обществе Норы. Впрочем, о самом обществе он знал не больше, чем любой тавальд из Лососьего, или какого иного рода. Энке не всё понял из отцовых объяснений о причинах изгнания, но чувство несправедливой обиды с тех пор засело в нём крепко.

Они вышли за частокол селения следующим утром, ещё до света, взяв с собой столько, сколько можно было унести на себе. Эйя тоже тащила заплечную котомку на деревянной раме. Когда селение Лососьего рода скрылось из виду, она спросила:

– Куда мы теперь пойдём? Вниз по реке?

Отец покачал головой.

– Все думают, что мы пойдём вниз по реке. А мы будем умнее и пойдём туда, куда они сами идти побоятся.

И они свернули на запад и пошли узкими, почти неприметными тропами. Может быть, отец когда-то охотился в этих местах, а может, шёл наугад, зная лишь общее направление – кто теперь скажет? Они долго не делали привала, и пару раз прятали свои следы в текучих лесных ручейках. Под вечер пересекли широкую тропу, тянувшуюся с севера на юг.

– Менялы здесь ходят, – сказал отец. – Будем к ним за солью наведываться, на шкуры менять!

И улыбнулся широко и спокойно, словно и впрямь рассчитывал застать на этой тропе прохожих дзинукан с солью. На самом-то деле для этого потребовалось бы провести в ожидании не один день – чтобы перехватить такого менялу на переходе, надо хорошо знать места их остановок.

Они пересекли тропу и углубились в сумрачные, неизвестные леса. И только вечером второго дня, когда они пришли в излучину небольшого весёлого ручейка с прудами бобров, отец сказал:

– Вот здесь и поселимся пока!

Потом поднял с земли позеленевший кусок кремня:

– Люди жили – и мы проживём!

Так началась иная жизнь – без частоккола, без сородичей... Но человек привыкает ко всему, а отец по праву считался лучшим из охотников в Лососьем роду. Даже с менялами в конце концов получилось, вот только сейчас соль уже была на исходе. Собирались пойти на тропу снова, но лето только началось, менялы обычно ходят позже. А потом случилась та свинья...

При воспоминании о свинье Энке остановился и вздрогнул. Снова перед глазами мелькнули серая щетина на хребте зверя и окровавленные клыки.

Он оперся о ствол толстой осины, успокоил дыхание. Ладно. Как бы оно ни было в прошлом, сейчас надо было сосредоточиться.

Отпустив из головы мысли о свинье, отце и бесчестном вожде Уэнунте, Энке зашагал к реке. Какой прок во всех этих раздумьях, если надо добыть рыбу? А добыть надо во что бы то ни стало.

Под ногами Энке извивалась едва заметная тропа. Не человеческая тропа, звериная. Как и все такие тропы в здешних местах, она тянулась к реке. Энке нашёл эту тропку днём раньше и, не особенно рассчитывая на удачу, смастерил лыковую петлю. Сейчас, подходя к берегу Пограничной реки, он проверил ловушку – пустая петля так и висела над тропой на высоте оленьей головы. Да, это было бы слишком легко...

Этот участок реки Энке знал, как собственную ладонь. Он разведал здешние места в прошлом году. Берег здесь низкий, но прочный, не топкий. Река делает петлю, образуя небольшую мелководную заводь, в которой всегда есть рыба, и не мелочь какая-нибудь, а такая рыба, которую удобно брать острогой.

Правда, отец не раз предостерегал его против реки. Река в Море течёт, а от Моря надо держаться подальше. Впрочем, именно страх перед Морем хранил их. Поселись они ближе к селениям – кто-нибудь из ретивых сородичей, желая выслужиться перед Уэнунтом, мог бы попытаться найти и убить изгнанников, объявленных вне закона. А вот в сторону Моря тавальды ходить побаивались...

Энке осторожно выглянул из кустов.

Никого не было видно. Пограничная река неспешно катила свои воды по извилистому руслу. Пели, перекликались птицы. Время песен уже подходило к концу – близился День большого солнца, самый длинный день в году. Сейчас чаще слышался писк птенцов, чем задорные песни отцов птичьих семейств. Но некоторые продолжали свистать по-весеннему, давая понять соседям, что место занято. Особенно отличался зяблик на ближней осине.

«Вот же не лень ему!» – подумал Энке.

Заводь открылась на своём положенном месте. Ветра не было, и над гладкой поверхностью воды густо висели синие стрекозы.

Энке шагнул к берегу, и в это время совсем близко пронзительно вякнул мелкий олень-каркер.

Юноша застыл на одной ноге, опершись спиной о толстую осину. Крик каркера мог означать любую опасность – медведя, тигра, хищную свинью, человека...

Если человека – это, пожалуй, хуже всего. Мирному человеку на ничьей земле делать нечего. Менялы, хранимые обычаем, ходят по своим тропам, и эти тропы далеко. Рыболовы тавальдов и тайверов орудуют на притоках и не выходят на своих лодках в Пограничную реку – на то она и Пограничная. Слишком уж близко жестокое Море.

Тигр в этих краях редкий гость. Он любит предгорья далеко на востоке – там больше оленей, а зимой спускаются с гольцов белые козы. И там не хозяйничают главные хищники равнины – свиньи.

Впрочем, от всех них были сказаны положенные заклинания перед выходом. И всё же...

Некоторое время Энке прислушивался. Тихий хруст веточки, внезапно замолкнувшие птицы – он хорошо обучен отцом и сумел бы разобрать и понять все знаки леса. Но знаков не было. Зяблик продолжал петь отчётливо и резко – словно в барабан бил.

Энке представил себе этого каркера – маленький, взрослому человеку чуть ниже пояса, пятнистый олешек с клыками в палец. Сейчас рога каркера – а они имеют по два отростка каждый – ещё не окостенели, они мягкие, с кровью. Ох, крепко помогли бы им такие рога, в них великая сила, сразу бы мать перестала кашлять. Значит, ходят сюда на водопой каркеры, и не зря поставил Энке свою петлю. Но пуста петля – она ждала большого оленя...

Мир успокоился, и Энке двинулся вперёд. Заводь лежала перед ним – чистая, тёплая, с прозрачной водой и песчаным дном на котором пробивался молодой тростник, едва достав-

ший концами побегов до поверхности воды. Песок между стеблями тростника был испещрён ямками – здесь кормились сазаны.

Энке ещё раз огляделся по сторонам. Птицы всё так же пели, перекликались, перепархивали в кустах. На всякий случай рыболлов бросил беглый взгляд на тайверский берег реки – но и там всё было тихо. Можно было выслеживать рыбу.

Юноша разулся и медленно, без всплеска, ступил в воду заводи. Ноги обожгло холодом, но лишь на мгновение. Его тело привыкло к подобной рыбалке. Лодку отец только собирался строить, и последние годы они охотились и рыбачили с берега. Случалось и в воду с острогой зайти, и за сбитой уткой сплавать, и подо льдом побывал Энке один раз, и ничего, даже не кашлянул тогда! А сейчас близится День Большого солнца, и вода реки почти в удовольствие.

Энке тихонько произнёс короткое заклинание на удачу, перехватил острогу в обе руки. Медленно, почти не поднимая ног, сделал два маленьких шага вперёд. Вода лизала его колени.

Теперь надо стать частью того мира, который видит вокруг себя сазан. Никаких лишних движений. Никакой мути, поднятой со дна. Долго ли придётся так стоять? Вода есть вода, может и ноги свести...

Стоять рыболову пришлось недолго – в тростнике показалось тёмное продолговатое пятно, а за ним и ещё одно. Хороший, толстый сазан в полтора локтя длиной, пошевеливая прозрачными плавниками, неспешно пробирался прямо к ногам Энке. Остановился, пожевал со дна, подняв маленькое облачко. И подвинулся ещё ближе.

Права на ошибку теперь нет. Ничто не существует, кроме этого зеленовато-серого тела с плавниками. Медленно, совсем медленно Энке погрузил острые кончики костяных жал в воду.

Сазан стоял и жевал.

Энке выдохнул и коротко ударил острогой вниз.

В тот же миг страшная тяжесть обрушилась на его шею и плечи. Вода заводи стремительно приблизилась и вместе с донным песком хлынула в нос и рот, а вывернутые за спину руки пронзила жестокая боль.

II

Бурундук был хитёр, но медведь был быстрее.

Из тайверской сказки

У охотников есть много особых слов для разных случаев. Есть такие тайные слова и у шаманов, и у менял, а женщины в некоторых племенах и вовсе говорят между собой на своём языке. Среди охотничьих выражений есть слово *таатэк*, которым обозначается один из видов неудачи. Суть *таатэка* в том, что охотник, увлечшись добычей, упускает из виду нечто важное, и это упущение приводит потом к провалу. Например, вперив глаза в дичь, наступит на сучок. Не учтёт, с какой стороны дует ветер. Или – бывает и так! – не заметит вовремя, что на облюбованную дичь охотится не он один.

Едва Энке смог снова дышать, он понял, что случился самый что ни на есть *таатэк*. В то время, как он, ничего не замечая вокруг себя, выслеживал сазана, его застали врасплох враги. Два чужих воина беззвучно подошли сзади и притопили его в реке, выкрутив руки за спину.

Энке дёрнулся – и его тотчас крепко ухватили за волосы и потащили на берег. Сунули лицом в кору ближайшей ели и чем-то стянули кисти рук. Потом развернули – только теперь он увидел лица врагов – и сунули в рот кусок лыковой мочалки.

Энке попытался крикнуть и укусил врага за палец. Воин стукнул его по губам рукояткой топора – несильно, ровно настолько, чтобы Энке ощутил кровь.

– Зубы выбью, – спокойно, без всякого выражения сказал враг.

Он произносил слова не так, как тавальды, но сами слова были те же, что слова, что и в родном языке Энке. Потом воин и его товарищ потащили Энке куда-то вперёд. Едва заводь скрылась за деревьями, как один из врагов коротко свистнул.

Из-за деревьев выступили ещё четверо вооружённых мужчин. Лица их, выкрашенные красной охрой, поначалу показались Энке неотличимыми друг от друга.

Двое захвативших Энке толкнули пленника вперёд. Послышались негромкие одобрительные возгласы. Затем воины о чём-то быстро заговорили между собой.

Энке пожирал врагов глазами. Страх и гнев мешались в нём с отчаянным любопытством. В своё время он жадно слушал рассказы отца и других старших о войне, о героях, о том, как снаряжаются воины для сражения. Лососий род никогда и ни с кем на его памяти не воевал, и Энкелишь теперь увидел вблизи людей войны, хотя прекрасно знал людей охоты.

«Чтобы узнать человека, с ним и заговаривать необязательно, – говорил когда-то отец. – Рассмотрни получше – и всё поймёшь». И частенько испытывал маленького Энке:

– Вон старый Пиччикан входит в селение, скажи-ка, где он был?

– На рыбалке! У него рыба чешуя к штанам прилипла, и лески с крючками на поясе висят!

– Это слишком просто! – смеялся отец. – А вот где он удил – в большую заводь ходил, или, скажем, на бобровые пруды?

Энке присматривался к старику и отвечал:

– В заводь! Там берег песчаный, а у него все башмаки в песке!

А ещё тайверы одеваются не так, как тавальды, и совсем не похожи на них дзину-кане-менялы, а женщина после рождения первенца не носит красные бусы, а на одежде шамана всегда нашиты рыбки... Словом, Энке ясно видел все мелочи в облике врагов, и сразу понял, кто его *взял* – захватил в плен. И то, что он нужен им живым, он тоже сразу понял. Слишком удобно он стоял там, на реке, а воины хороши – хотели бы убить – убили.

Их шестеро – воинов в замшевых одеждах, с копьями в руках. На шее у каждого – ожерелье из блестящих зубов – острых, не имеющих корней. Ни у одного зверя нет таких – должно

быть, зубы принадлежат большим рыбам, которые водятся только в Море. И сама одежда необычна. Рубахи и ноговицы воинов сшиты из узких кусков тончайшей желтоватой замши, такой не выделают из оленьих шкур. На плечи у некоторых наброшены коротенькие накидки из меха – таких не носят ни тавальды, ни тайверы.

Тёмные длинные волосы расчёсаны надвое и схвачены ремешками, а у двух – заплетены в косы. На ремешки нанизаны крошечные красные раковины – разве увидишь такое у лесных племён? У одного в волосах видны седые пряди, по его повадкам можно заключить, что он главный в отряде. На хмурых, обветренных лицах врагов – красная охра. Одна полоса пересекает лицо поперёк над глазами, вторая прочерчена через нос вниз. У всех племён такой знак значит одно и то же – «готов убить или умереть».

Копья воинов снабжены добротными наконечниками из хорошего белого кремня. Острия узкие и длиной почти в ладонь, в нужный миг они входят в тело, как в топлёный жир. Нет причин сомневаться, что в каждом каменном жале живёт Ире – дух наконечника, которого призывают на копье особыми кровавыми обрядами. И такой же Ире – глазастое существо с огромной пастью – вычерчен охрой у каждого на рубахе. Древки копий покрыты *разрывными знаками*. На поясах висят ножи и топоры в ременных петлях. Лезвия топоров узкие – не дерево рубить таким топором, человека...

Думать тут нечего – это те, кто приходит с Моря.

Известно – прародители всех племён приходились друг другу родными братьями. Оттого-то языки всех племён похожи. У каждого брата были особые свойства – один хорошо плавал под водой, другой понимал язык птиц и зверей и так далее.

Энке был ещё слишком мал, чтобы знать рассказы о братьях – это знание взрослых мужей, а некоторые предания и вовсе тайные – их рассказывают только в особые ночи в мужских домах. Но кое-что ему уже было известно – например, что приходящих с Моря врагов зовут «отродье младшего брата».

Вроде бы этот младший брат был вздорным и вредным. Он причинил старшим сородичам немало бед, а потом и вовсе уплыл от них в Море. След его затерялся в волнах, имя его стали забывать, и забыли бы – но однажды в волнах появилась большая лодка, а в ней сидели воины в жёлтых одеждах – сильные и свирепые.

Так потомки старших братьев узнали, что далеко в Море есть острова, а на островах живут люди, и эти люди считают, что остальные жители среднего мира предназначены им в добычу – как олени волкам.

Сами себя они звали «сэйды», от слова «сэ» – «весло». Жители Большой Земли звали островитян иносказательно: «ненавистные», «неназываемые» и «западные». Издавна так повелось – не произносить имя сэйдов без особой нужды. Произнесёшь – и накличешь набег...

Сэйды грабили всё побережье – от земли ренонов на юге до владений дзинукан на далёком севере. На своих больших лодках они поднимались в реки и нападали даже на тех, кто жил далеко от Моря. Иногда островитяне встречали отпор. Тогда они дрались умело и жестоко, а если случалось попасть в плен – старались любым способом покончить с собой.

О сэйдах рассказывали немало жути. Говорили, что они берут в плен даже детей, и потом отдают маленьких пленников на растерзание своим детям – чтобы те с малолетства учились не бояться крови. Говорили, что все пленники сэйдов обречены – их приносят в жертву на праздниках. Впрочем, так делали все племена, так что это было наименее страшным. А ещё говорили, что пленников, показавших стойкость под пытками, сэйды берут в своё племя и опивают зельем забвения. И бывший тайвер или ренон сам становится таким же убийцей и грабителем, и не помнит больше ни рода, ни племени...

Все эти рассказы теперь всплыли в памяти Энке. Что его ждёт – пытки? Смерть под священным ножом на празднике? Геройский побег из плена? И что будет с матерью и сестрой?

В любом случае, что бы с ним не произошло потом, сейчас ему оставалось одно – смотреть и слушать.

Вообще-то, хоть у врагов и свирепый вид, маловато их для настоящего набега. В рассказах отца о войнах и походах упоминались отряды в десятки воинов, сожжённые дотла селения, многочисленные пленные, которых гнали, продев через связанные руки длинную жердь. Так ходили когда-то на соседей вожди тавальдов. А тут явно просматривалась какая-то глупая затея. Шестеро бойцов наугад шляются по ненаселённым землям и радуются, что поймали одного-единственного пленника. Может быть, конечно, где-то прячутся и ещё враги, но всё равно – странно...

Энке не только смотрел, но и внимательно слушал. Должно быть, сэйды расходились по лесу в поисках людей и жилья, а сейчас снова сошлись вместе и рассказывали, кто что видел. Четверо из шести не видали ничего, но двоим повезло...

Речь воинов была понятна, хоть и не до конца. Языки всех племён похожи. Тавальды и тайверы понимают друг друга совсем легко, только их иносказания звучат по-разному. Понять южан-ренонов уже сложнее – в их языке много слов, означающих то, что есть только у них, например, плоды дубов – что же сделаешь, если в лесах тавальдов дубы не растут? Мориннов и нитинатов, живущих севернее, тоже можно понять без большого труда. Но те, кто сейчас захватил в плен Энке, принадлежали не к ренонам, моринам, тайверам или нитинатам, а к тому племени, имя которого вообще редко произносилось вслух. И всё же из их речи выделялись знакомые слова.

Дым. Люди. Идём. Надо. Не надо. Дым.

«Дым» – значит, один из врагов, рыская по лесу, почуял дым *хабагана!*

Мать ходит плохо и вдобавок кашляет. Её, наверно, сразу убьют. Сестрёнка... сейчас Эйе четырнадцать зим. Она почти годится в жёны. Её продадут, или...

При этой мысли Энке резко дёрнулся, и тотчас же один из державших его воинов, самый молодой в этой ватаге, выхватил из оплётки нож. Пленник увидел перед самым лицом бешеные глаза врага. Воин оскалил зубы в мерзкой улыбке и, ни слова не говоря, точным движением ножа распорол рубаху на животе Энке, сильно оцарапав кожу. Старший сэйд резко сказал что-то, положил руку на плечо воина, и бешеные глаза исчезли.

Энке ощутил сильное желание убить врага немедленно. Эх, всё-таки не всему научил его отец! Обленились, изнежились тавальды! Выследить зверя, подстрелить птицу, насадить рыбу на острогу – могут. А сражаться с врагом? Движения Военного танца знают все мужчины, но кто знает настоящие приёмы копья или ножа? Опасно Море и впадающая в него Пограничная река – и тавальды предпочли уйти от Моря в глубину лесов, отдать ничейную землю. Да, стало проще жить, лишь изредка случаются распри между родами, и совсем редко – войны пограничных родов с тайверами на юге или моринами на севере. Уэнунт изгнал отца – и это было самое большое событие в селении Лососьего рода за пятнадцать лет. Знал ли отец о том, что враг посещает ничейную землю, хоть никто и не живёт на ней? Возможно, догадывался, но поди теперь спроси его об этом... Эх, знать бы сейчас военное искусство так же хорошо, как приёмы охоты!

Сэйды между тем продолжали спорить. Хотя они, как и подобает на войне, говорили тихо, их жесты и манера речи были весьма красноречивы. Энке понял, что трое врагов – те, которые вели его, и ещё один – не хотят идти к *хабагану*, но на этом настаивал самый старший из воинов, с проседью в волосах.

Старший-то старший, но... не вождь. Это пленник тоже понял быстро. Нет в этом сэйде той силы, которая заставляет людей повиноваться без слов и обсуждений, нет того, что тавальды и тайверы зовут «*ву*», а морины – «*хо*». У отца было это самое *ву*, его всегда слуша-

лись, а с вождём Уэнунтом многие старые воины спорили, и порою в этих спорах он сдавал назад. Тут, как догадывался Энке, крылась одна из причин изгнания, завидовал Уэнунт, но что он мог сделать? Сила *ву* либо есть у человека, и тогда при случае из него может получиться вождь или даже герой, либо её нет... Энке слышал о незадачливых воинах-трусах, которые пытались заполучить *ву*, закаляя себя постом и особыми грибами, но ни разу это не принесло успеха.

Старший сэйд не приказывает – он убеждает. Убеждать он, впрочем, умеет. Вот уже двое несогласных закивали головами. Последнего они увещевают хором. Тот мнётся, но, наконец, кивает головой...

– Хэ! —вполголоса произнёс молодой воин и, не выпуская ворота рубахи Энке, сделал шаг вперёд.

Энке представил, как вот этот молодой с тем же самым выражением весёлой злости на лице крутит на руку волосы Эйи. Душная ненависть поднялась откуда-то из глубины груди, залила глаза, очертания предметов утратили ясность. Так же было тогда, при виде хищной свиньи с телом отца в зубах. Нужно немедленное действие, но какое, какое?! Крепко связаны его руки, надёжно заткнут рот. Даже если чем-нибудь сильно разозлить врагов – но чем? – ну, убьют. И чем это поможет матери и сестрёнке? Да и то – не убьют, видно же – он нужен им живым...

Дух-покровитель – последнее спасение человека в трудный миг. Тот, беловолосый старик в полчеловека ростом. К покровителю обращаются просто, не произнося особых слов. Но обращение-то, пусть и простое, должно быть внятным, а с мочалом во рту что скажешь? Для того ведь и заткнули ему рот враги, а вовсе не только для тишины. Сэйды в лесу не у себя дома, они боятся местных духов и проклятий. Пленник должен молчать. Звать духов без слов может только шаман, на то ему послан особый дар и волшебные предметы...

Выхода нет. Пусть хоть так, может, испугаются!

Энке прикрыл глаза, выпрямился во весь рост и загудел через кляп:

Дедушка лесной,
Явись передо мной!
Помоги найти дорогу, если слышишь голос мой!
Я без добрых слов,
Без хороших слов
Ни раза не тронул дичи посреди твоих лесов!

Это была чистая правда. Отец хорошо обучил Энке обычаям охотников, и тот всегда просил прощения у дичи перед броском копья или выстрелом из лука. Правда, само это заклинание тавальды произносили лишь в самом крайнем случае – заблудившись в болоте, например. Дедушку чтили, но и опасались. Но Энке уже один раз видел хранителя, да и вряд ли можно было вообразить более тяжкое положение, чем то, в которое он угодил.

Сэйды, уже шагнувшие в сторону *хабагана*, удивлённо обернулись. Пленник явно обращался к иным силам и, скорее всего, призывал проклятие. Те, кто с самого начала сомневался в необходимости похода, посмотрели на главаря. Через прикрытые глаза Энке ясно различил промельк тени страха на лицах воинов. Кляп-то кляпом, и никаких шаманских вещей у пленника нет, но вдруг они захватили *туджигина*? А духи, как известно, *туджигинов* любят, ведь обычно *туджигин* – будущий шаман.

Именно в этот миг Энке почувствовал в себе нечто необычное. То было спокойное, ровное и тёплое ощущение – *так и должно быть*. Всё, что он сейчас делает – правильно. Он на своей земле. Духи леса – его защитники. Чувство было похоже на горячий уголёк, греющий

где-то в глубине груди. Ему захотелось раздуть этот уголёк, поддержать его. Пусть он и дальше даёт Энке своё мягкое тепло...

В нескольких шагах от них над кустами черники закурился белый дымок. Энке показалось, что он начинает различать очертания низкорослого человека.

Сэйды, переглядываясь, попятились в стороны. И тут всё кончилось – дым рассеялся, человеческий образ исчез без следа. Энке широко распахнул глаза и побледнел – он больше не ощущал уголька в груди.

Но врагам было достаточно и этого мимолётного видения. Те, кто не хотел идти в сторону *хабагана*, заговорили разом – повышая голос и слегка повизгивая. Они даже предлагали бросить пленника здесь.

Главный сэйд, однако, не испугался. Морщинистое лицо не отразило ни малейшего замешательства. Он тоже повысил голос и выдал длинную тираду, из которой выскочило несколько знакомых слов.

Надо. Обещал. Вождь. Одеяло. Много.

Сэйды замолчали, покачивая головами. Главный протянул руку в успокаивающем жесте и снова открыл рот, но сказать ничего не успел.

III

Воевал хомяк с ёжом. Хомяк кусался, а ёж свернулся в клубок и уколол его в морду. С тех пор у лесного хомяка вокруг глаз чёрные пятна.

Рассвирепел хомяк, захотел отомстить. Вот он говорит ежу:

– Эй, ёж! Свернулся ты, и не видишь, что крот твою жену наизул.

Ёж развернулся посмотреть, а хомяк в него из-под хвоста выстрелил. С тех пор ёж никому не верит, всегда сворачивается в клубок и говорит «фу-фу».

Сказка тавальдов

Если уж заговорил с духами, будь готов ко всякому. У них свои пути и законы. Духов можно просить, можно с ними договариваться, а шаманам даже удаётся их изгонять и запугивать. Но если нет у тебя дара и посвящения – последствия твоего разговора могут быть не совсем такими, каких бы тебе желалось. И больше того – совсем не такими!

Энке всё это знал, но выхода не было. Внутреннее ощущение тепла ясно говорило ему – *должно получиться!* И никто бы не смог сказать, что оно не получилось, но...

Едва бледная фигура растаяла в воздухе, едва старший сэйд поднял руку, успокаивая товарищей, по лесу разнёсся короткий, яростный визг зверя. По силе этого звука было ясно, что зверь невелик, но любой из сэйдов, да и сам Энке, под пыткой поклялся бы, что слышал настоящий клич воина.

В следующий миг нечто мохнатое, длиной примерно с башмак, бросилось на воинов из зарослей черники. Нападавший был так стремителен, что пленник не сразу смог его разглядеть. Зверь бросился на ближайшего врага и прыгнул вверх, целясь тому в промежность. Но не допрыгнул, и куснул где пришлось, то есть чуть выше колена.

Сэйд – а это как раз был тот воин, которого долго уговаривали идти походом на *хабаган* – вскрикнул и запоздало отпрыгнул вбок, целясь копьём в маленького супостата. Но тот уже отскочил назад в чернику и свирепо урчал, выбирая следующую жертву. По замшевой штанине врага побежала кровь.

Только теперь Энке как следует разглядеть лютого зверя. Это был довольно крупный лесной хомяк, бурый, с желтоватой полосой на спинке и чёрными пятнами вокруг глаз. Энке знал, что хомяки бывают злыми, но знал и то, что хомяк не из тех зверей, которые нападают на человека первыми. Загнанный хомяк беспощаден и, несмотря на невеликие размеры, опасен. Маленький Энке как-то раз потыкал палкой хомяка, засевшего в корнях, и тот обрызгал его едкой жидкостью из-под хвоста. Мальчишку тотчас же вырвало от удушливой вони, и ещё несколько дней Энке совершенно не чувал запахов. Но тот хомяк защищался, а этот – нападал.

На миг пленнику сэйдов стало смешно. Дух родного леса прислал на помощь... хомяка?!

Самим «неназываемым» было, однако, совсем не до смеха. Они построились в полукруг и выставили копыя наизготовку. Хомяк плясал перед ними, урчал, и время от времени совершал резкие выпады, норовя тяпнуть в ногу то одного, то другого.

Послышались возгласы. Энке вновь понял не всё, но были и знакомые слова.

Плохо. Духи. Знак. Не этот раз. Назад. Лес. Море.

Хомяк вдруг прекратил урчать и прыгать. На некоторое время стало тихо. Сэйды переглядывались. Острия копий чуть опустились.

Зверю только того и надо было! Он молниеносно метнулся вбок и поразил крайнего – того, который держал Энке. Хватил – и отпрыгнул назад.

– Башмак прокусил! – завопил молодой сэйд вполне понятно для пленника.

Это решило дело.

– Чшшш! – зашипел старший и гневно махнул рукой. – Молчи! Этот раз... – и добавил что-то неясное. – Назад идём!

– А этот? – спросил молодой, указывая на Энке.

Хомяк заурчал снова и сделал короткий обманный прыжок.

Главный опять сказал что-то о вожде и одеялах. Молодой кивнул, схватил Энке за плечо и толкнул его вперёд. Другой сэйд поднял с земли кусок гнилого бревна и швырнул в хомяка. Тот прыгнул в чернику, уклоняясь, и враги тотчас начали отступать с поля битвы. При этом они старались не поворачиваться спиной к хомяку и сначала пятились задом. Потом сэйды, волоча Энке за собой, быстрым шагом, почти бегом, бросились на запад, вдоль берега Пограничной реки. Главный шёл последним и часто озирался, чертя копьём в воздухе. Но хомяк, по-видимому, не преследовал их.

Сначала сэйды бежали по лесу, но скоро свернули к реке и выскочили на открытое место. Здесь, значительно ниже заводи, в которой Энке собирался колоть сазана, между лесом и берегом лежала широкая луговина, которую река затапливала каждую весну. Лишь раз в жизни побывал Энке на краю этой луговины – когда показывал отцу найденную заводь.

– А что, там, за просветом? – спросил тогда Энке.

– Там, – сказал отец, махнув рукой в сторону заката солнца, – там Море. Туда пока лучше нам не ходить...

По этой-то луговине и устремились теперь враги – в ту же закатную сторону. Они бежали ровной рысью, двое гнали Энке – один волок за плечо, другой подталкивал сзади. Ноги пленника путались в непривычно густой траве.

Энке оглянулся вбок – и впервые в жизни увидел лес со стороны.

Деревья сливались в сплошную стену – ели, осины, берёзы, кое-где виднелись рыжие стволы сосен. И такая же стена – только совсем далёкая – была на другом берегу реки, за такой же луговиной...

И ещё Энке заметил, что на луговине исчез привычный запах леса, запах того мира, в котором он прожил все свои пятнадцать зим. Запах еловой хвои, прелых листьев, древесной трухи, земли и лесных трав, к которому изредка примешивался тяжёлый звериный дух. Теперь Энке ощущал лишь свежий, скучный запах большой воды, слегка подкрашенный сладостью луговых цветов.

Оттуда, из леса, из привычного мира, донёсся до него протяжный плачущий крик чёрного дятла. Когда-то маленький Энке пугался этого крика, спрашивал:

– Папа, отчего дятел плачет?

Отец рассмеялся, и рассказал ему. Оказывается, когда-то дятел был силён, как орёл, и летал по поднебесью до самого Верхнего Мира. Там он однажды сел на Великий Кедр и принялся долбить себе дупло. Хотел с богами жить.

А на одной ветви Кедра спал бог раздора Тюрвяккан в образе огромной белки. Приоткрыл он один глаз и сказал:

– Отец Ворон, а Отец Ворон! Живой ли?

– Живой!

– Уйми дятла. Проснусь – быть большой войне среди людей.

Не хотел Отец Ворон, чтобы люди убивали друг друга. Выгнал он дятла с Великого Кедра, и положил ему предел – отныне не летать выше лесного дерева. С тех пор дятел и жалуется.

Дятел вновь закричал. Плакался на судьбу, а может – будил бога раздора, кто знает...

Лес впервые был не вокруг Энке, а в стороне. Ещё немного – и он никогда не увидит родных. Последняя возможность что-то сделать – сейчас.

Энке вспомнил рассказы о старинных героях, совершавших подвиги. Ему всегда хотелось быть похожим на этих героев – например, на Эгветака, попавшего в плен к врагам и поразив-

шего их мужеством под пытками. Вот что сейчас сделал бы герой Эгветак? Вероятно, не стал бы покорно перебирать ногами, семена между захватчиками. Надо бежать, хуже уже не будет! Да и нападение странного хомяка на сэйдов лишний раз убеждало в том, что духи леса всё-таки на его стороне.

И Энке решился.

Воин, державший пленника за плечо, спешил – и ослабил хватку. Энке резко рванулся вправо, к лесу. Враг не удержал его, рука соскользнула с рубахи, а сам сэйд от неожиданного сопротивления споткнулся и едва не упал. Энке припустил к лесу со всей быстротой, на которую был способен.

Вот тут-то он и оценил всю глупость своей затеи. Энке никогда прежде не бегал со связанными руками и не задумывался, что для быстрого бега они нужны не меньше ног. Луговина была покрыта мелкими кочками, через две он сумел перепрыгнуть, а третья, внезапно подвернувшаяся под ногу, лишила его равновесия. Энке полетел в траву лицом вниз, и тотчас же у него на спине оказался враг. И это был не тот молодой сэйд с бешеными глазами, а сам предводитель похода.

Островитянин спокойно вдавил Энке лицом в дёрн. Вытащил топор, примерился, и точным движением ударил беглеца обухом по затылку.

Потом поднял неподвижное тело, толкнул в руки молодому.

– Упустил – тащи! – буркнул он. – Отсюда уже недалеко!

Энке очнулся и нашёл себя лежащим на земле. Его ноги были спутаны верёвкой, зато во рту больше не было гнусного мочального кляпа. Голову ломило после удара. Вокруг стоял тот же сырой запах большой воды.

Приподнявшись на локте, он огляделся по сторонам. Оказалось, что он лежит в шаге от берега реки, на траве.

Сэйды сидели невдалеке, кружком, беседовали и что-то жевали. Никакого костра не было видно, еда была походной, вроде сушёного мяса. Разговор врагов то и дело перемежался смехом – должно быть, враги считали, что поход вполне удался. Теперь их было семеро – один оставался стеречь лодку. Сама лодка, выдолбленная из древесного ствола, тоже была рядом.

Вытащенная на сушу до половины своей длины, она поражала воображение. Тавальды, конечно, умеют строить лодки, и тоже выдалбливают их из целых стволов. Но лодки тавальдов и тайверов в длину не больше четырёх шагов, а в этой были все пятнадцать! Борт лодки сэйдов был почти по пояс взрослому человеку, а высокий, гордо задранный кверху нос достигал полного человеческого роста. И был этот нос выкрашен в красный цвет войны, а ниже, на борту, чёрной и белой красками было намалёвано изображение какого-то животного, а может, бога – похожего на рыбу, с большим злым глазом и пастью, полной острых зубов.

Энке невольно вздохнул, вспомнив маленькие – хотя прежде они не казались ему маленькими! – долблёнки, на которых люди Лососьего рода плавали по тихим речкам и ласковым лесным озёрам. Лодки были вёрткие, в них надо было сидеть особым образом, чтобы не перевернуться. Маленькая Эйя ужасно боялась лодок, ей всё казалось, что вода слишком близко и она вот-вот утонет... Как непохожи были эти лодочки на грозную боевую лодку сэйдов, назначение которой – нести кровь и смерть всем, кто на свою беду окажется слишком близко к Моря!

Пленник ещё раз всмотрелся в нарисованное на лодке изображение неведомого чудовища. И внезапно ощутил сильное головокружение.

Зубастый зверь качнулся и как будто поплыл перед ним в воздухе. Странное видение на миг пронеслось перед Энке. Он увидел множество таких тварей на носках лодок, режущих

зеленоватые волны. Десятки воинов с красной охрой на суровых лицах сжимали в руках копья. Энке даже показалось, что он слышит их воинственный клич:

– *Мэнгитен! Мэнгитен! Победа богу Моря!*

И ещё кое-что мелькнуло перед ним: воин в окровавленной рубахе стоит по пояс в воде и что-то говорит ему, Энке. Говорит задыхаясь, через боль. Но ни одного слова Энке разобрать не мог.

Видение исчезло. Он всё так же лежал на речном лугу, почти у его ног начинался густой камыш. Кричали чайки. Энке и раньше видел их на Пограничной реке, но теперь их было больше, много больше...

Сэиды продолжали жевать и балагурить. И никто из них не заметил крупного лесного хомяка, который высунулся из травы неподалёку и осторожно потянул носом воздух. Потом прыгнул к борту лодки, посидел под ним, и тихонько перескочил внутрь.

Не заметил его и пленник.

IV

Чёрно-Белый, веди нас домой!

Йолла-лэй, веди нас домой!

Чёрно-Белый, через прибой!

Йолла-лэй, через прибой!

Чёрно-Белый, через волну!

Йолла-лэй, через волну!

Дай увидеть свою страну!

Йолла-лэй, свою страну!

Вёсельная песня сэйдов

– Хэ! —сказал старший, окончив недолгую трапезу. Все сэйды встали, осмотрелись и отряхнулись.

Пленника подняли, словно тушу дичи, и бросили в лодку, ближе к носу. Там, на днище, уже лежал какой-то свёрток – нечто, хорошо укатанное в шкуру зверя. Зверь этот был незнаком Энке – мех был плотный и густой, как у выдры, но не бурый, а серый со светлыми, почти белыми кольцами. Такие же шкуры были свалены в корме лодки – наверно, ими укрывались во время плавания. Ещё в лодке лежали раскрашенные вёсла с широкими резными рукоятками и заострёнными лопастями.

Сэйды столкнули лодку с берега и поместились в ней ближе к корме. Разобрали вёсла. Энке обратил внимание на прорезанные на лопастях знаки – они в точности совпадали с *разрывными знаками* на копьях. Стало быть, вёсла тоже могли быть оружием.

Повинуясь мерным движениям вёсел, лодка кормой вперёд пошла из камышей. Под днищем зажурчала, заплескалась вода Пограничной реки. Энке приподнялся на локте и выглянул через борт.

Мир раздвинулся. Ещё никогда он не видел так много воды вокруг. Противоположный берег был очень далёк – может быть, до него было четыреста, или даже пятьсот шагов. Там тоже рос камыш и где-то совсем далеко виднелась синяя полоса – лес тайверов.

Сэйды опустили руки за борт и смыли со своих лиц знак войны и смерти – красную охру. Они возвращались домой, и в грозном знамении больше не было нужды. Энке увидел обычные человеческие лица, ничем особенным не отличавшиеся от лиц его соплеменников и родичей. Заменить тёмные волосы на светлые, выплести раковинки из длинных кос – и получатся охотники Лососьего рода...

На корме сидел предводитель – немолодой уже мужчина с покрытым морщинами лицом. Он направлял лодку в нужную сторону короткими, точно отмеренными движениями весла. Рядом с ним расположились двое воинов помоложе. Они сосредоточенно работали вёслами, толкая лодку вперёд. Ещё ближе к Энке сидели четверо остальных – эти просто держали вёсла в руках. Зачем делать лишнюю работу, если сильное течение реки и так несёт лодку к Морю? Когда товарищи подустанут, они сменят их.

Был среди этих четверых и тот молодой, самый ненавистный, который распорол ножом рубаху Энке. Теперь юноша мог разглядеть его как следует. Беспокойное лицо этого сэйда всё время было в движении. Он кривил губы, морщил нос, часто переводил взгляд с неба на воду, с воды на своих сородичей.

«Не будь у меня связаны руки, – подумал Энке, – я бы тебе показал!»

Что именно он показал бы этому неприятному человеку – Энке не смог бы сказать. Он умел колоть рыбу острой, а плотву и краснопёрок даже наловчился ловить руками. Хорошо стрелял из лука – из пяти его выстрелов по уткам три обычно приходились в цель. Неплохо – в сравнении с другими мальчишками Лососьего рода – плавал и бегал. Знал следы и повадки зверей и птиц. Но сражаться оружием против людей Энке толком не умел – научиться было попросту негде. Конечно, все подростки в селении то и дело боролись и дрались друг с другом – кто без этого вырос? Бывали у них и развлечения, опыт которых мог пригодиться на войне – например, уклонение от раскрученной жерди. Но так, чтобы выйти на войну с оружием и подвергнуть жизнь настоящей угрозе – такого не бывало никогда. Даже «большая охота» на хищную свинью, когда молодых ставят в первый ряд, никогда не устраивалась на памяти Энке.

Между тем перед ним сидели семеро настоящих воинов, каждый из которых – даже тот, молодой – уже не раз лишил жизни человека. Энке мог оценить, как они двигаются, как держат свои копья и вёсла – ни одного лишнего, суетливого, неверного движения, словно копья и вёсла для них – продолжение тела. Пленник ощущал ненависть к врагам, но... не только.

Ведь хорошо было бы стать такими, как они – сильными, ловкими, беспощадными?

Энке мотнул головой, отгоняя эту мысль. Они враги, захватчики, и хватит об этом. Он снова приподнялся и, высунув голову поверх борта, глянул вперёд.

Там, куда был устремлён раскрашенный нос лодки, больше не было берега. Не было видно ни леса, ни камыша, вообще ничего. Только огромная, бесконечная, покрытая волнами, вода, смыкающаяся с небом. Энке поспешно перевёл взгляд в сторону кормы – там ещё был виден камыш. Далеко справа и так же далеко слева, две желтоватые полосы. А вот синий лес исчез.

Со стороны большой воды доносился глухой шум. Чайки с криками сновали вокруг – и не те маленькие чайки с бурыми головами, которые встречаются на лесных реках и озёрах. Морские чайки были огромные, белые, с чёрными крыльями и яркими жёлтыми клювами. Хриплыми, низкими голосами они кричали:

«Море! Море! Пропал! Пропал!» – так, во всяком случае, показалось пленнику.

Запах большой воды стал меняться, в нём появилось что-то неприятное, острое, щеко-чущее ноздри. Скоро Энке показалось, что он почувствовал едва заметный вкус соли.

Значит, Море. Значит, конец...

Полоса камышей за кормой стала совсем тоненькой. Вновь мелькнул горбик синего леса, далеко-далеко.

Сэиды внезапно забеспокоились. Они вертели головами, заглядывали за борт. Один из воинов вскочил и прошёл в нос, больно наступив на руку Энке. Заглянул в воду впереди, что-то крикнул главному. Тот кивнул, и сделал движение веслом.

Под днищем зажурчало сильнее. Удары волн сделались реже и резче.

Сэид на носу некоторое время продолжал всматриваться в воду, затем удовлетворенно мотнул головой и пошёл на своё место. И тут все разом сделали общий у всех Племян жест, отвращающий зло – махнули правой рукой под левую, словно отбрасывая плохое на нечистую левую сторону.

Энке уже понемногу приноровился понимать речь врагов. Они произносили слова несколько иначе, чем тавальды, и говорили быстрее, чем сородичи Энке, словно зажёвывая некоторые звуки. Но сам строй речи сэидов был таким же, как у лесных племён. Поэтому, когда ухо пленника привыкло к говору «неназываемых», понятных слов стало значительно больше, чем непонятных.

– Ветер растёт, – говорил один из воинов, обращаясь к предводителю. – Туда-то против ветра шли, сейчас хорошо! Пригодился бы сейчас нам *пэнгек*, да ведь нет у тебя *пэнгека*.

– Нет *пэнгека*, – подтвердил тот, – порвался *пэнгек*, сильно старый был... Да этот *тейтеан* под ним плохо идёт, сильно качает. Хангла-мастер, когда делал, много ходил на *тлакк*, брагу пил, один край на полвершка толще сделал.

Послышался сдержанный смех.

– Ничего, – пробасил другой воин из старших, – теперь пойдём в Клеамат, сменяем *холук*, новый *тэйтеан* закажешь, и с *пэнгеком* сразу!

– Нет, – сказал владелец лодки, похлопывая по желтоватому борту, – не буду заказывать. Этот *тейтеан* хороший, а я стар, мне хватит...

И тут Энке вспомнил, что у него свободен рот! Лежать без дела, в ожидании непонятно чего, было невыносимо для него. Он вспомнил рассказы о героях, которые, уже будучи привязаны к столбу пыток, поносили врагов и насмеялись над ними. Он, Энке, почти в тех же условиях. Хуже уже не будет. Они с ним в одной лодке, деться от его проклятий и поношений им некуда. В самом уж крайнем случае пленника выкинут за борт. Страшно? – конечно, но это лучше, чем жить в плену. Он всё равно не станет на них работать!

Вообще-то ему уже становилось страшновато – и не только от непонятности будущего. Лодку плавно покачивало с носа на корму, и у пленника понемногу начинала кружиться голова. Не духи ли Моря – а с Морем у лесных жителей всегда связывалось что-то страшное и неприятное – начинают потихонечку поедать его тело и душу? Или... или превращать его. Есть же старый рассказ о тайверской девушке и сэйдах. Те взяли в плен дочь вождя и повезли на Острова, но она сумела разрезать верёвки острием вражьего копья, прыгнула в Море и поплыла к берегу. Разгневался на беглянку бог Моря, и превратилась она в страшную рыбу, без чешуи и с человеческим лицом. С тех пор она плавает в Море и кричит жутким голосом, тоскуя о потерянных навсегда лесах. Кто услышит крик рыбы – начинает тосковать, а потом умирает.

Энке облизнул губы. Надо решиться. Это как в холодную воду ступить. Ну, сейчас – или никогда!

– Сэйды, – хрипло проговорил он, – я вас не боюсь.

Как же это хорошо – снова обрести возможность говорить, и без страха сказать врагу всё, что хочешь! Энке ощутил приятную лёгкость – он смог, он сказал! Вот теперь пусть хоть за борт! Надо только перед смертью обложить врагов пообиднее...

Враги, впрочем, не обратили особого внимания на его слова. Лишь один воин бросил на пленника удивлённый взгляд – как если бы вдруг заговорила человеческим голосом сама лодка или серая шкура. Остальные сэйды даже не прервали беседу.

– Вонючие пожиратели падали! – завопил Энке во всю силу своего голоса. – Вы бабы, вы убежали от хомяка, задрав хвосты! Ракушки вам склизкие собирать, а не воевать с тавальдами! Вы увешались зубами, а сами напали на меня сзади, чтобы не смотреть мне в глаза! Не спасут вас зубы, смердящие трусы!

Сэйды переглянулись, а потом свирепо захохотали. Может, не всё поняли? Но слова «трус» и «падаль» одинаковы в языках всех Племян, да и не так уж непонятно они сами говорят.

– Не боюсь вас! – снова закричал Энке. – Ваши пытки – простая щекотка, ваши копья не страшнее бабьих иголок! Ваш дух войны – жалкий червь, хомяк его зубами рвёт, глотает, испражняется им!

Молодой сэйд посуровел лицом и посмотрел на предводителя, но тот на все крики пленника лишь улыбался. Между тем солнце скрылось в облако, лодка раскачивалась всё сильнее и сильнее. Похоже, проняло не сэйдов, а самого морского бога. Вокруг уже не было видно никаких полосок суши – только волны, одна выше другой...

Наконец, старший враг снизошёл до ответа. Мешая понятные и непонятные слова, он сказал пленнику:

– Маленький *хаквах*, ты хоть и глуп, но как будто храбр. Побереги силы, тебе ещё кормить...

Кого кормить – Энке не разобрал, это было одно из тех непонятных слов, которые есть только в языке сэйдов. Все воины коротко хохотнули при этих словах предводителя, но почему-то сделали тот же отвращающий жест, как тогда, у берега.

Старший немного подумал и добавил:

– Что до пытки, то пытаются воинов, а ты – *лич*.

Лодку вновь качнуло на волне, под крашеным носом плюхнуло, и в лицо пленника попали прохладные брызги. Ветер крепчал, и где-то внутри Энке проросло очень неприятное ощущение. К лёгкому головокружению добавилась тошнота, как будто в недрах тела заворчалось живое существо.

Энке сразу вспомнил рассказы матери о духах, вызывающих болезни. Каждый из этих духов имеет свой цвет. Например, дух лихорадки – красный, а дух поноса – бурый, как медведь, оттого-то и говорят: «медвежья болезнь». Головную боль вызывает зелёный дух, а цвет духа рвоты – жёлтый...

– Рвотный дух с едой заводится, – говорила мать. – Попадёт в человека, а потом на волю хочет, начинает метаться. Надо дать ему выйти. Он всегда через желудок идёт, сначала пищу вытолкнет, потом сам уйдёт, тогда и рвота кончается.

Сейчас Энке явственно ощущал беспокойство духа. Тот барахтался у него в животе, подступая всё выше и выше. Во рту появился неприятный вкус, похожий на вкус крови. Может быть, он, Энке, уже превращается в голую рыбу? Надо успеть швырнуть в лицо врагам побольше гостинцев, пусть это и будут лишь слова!

– Паршивые псы! – крикнул он. —Тавальду не бывать рабом! Вы не воины, вы позорные воры! Развяжите меня, и я утоплю вас вместе...

И тут жёлтый дух устремился наружу. Энке едва успел приподнять голову надо бортом лодки, как жестокий спазм скрутил его нутро, сдавил, вывернул наизнанку. Полупереваренный скудный завтрак полетел в море.

Сэйды радостно завопили:

– Вооо!

– Пошло!

– Порадуй бабушку!

– А ну ещё разок! Давай помогу – бяаяяя!

Звериная ярость вновь затуманила глаза Энке.

– Только развяжите – и я вас всех убью! Не боюсь вас, ненавижу вас, – выкрикивал он, уже не заботясь о подборе слов. – Я на ваши насмешки... бяая...

И его снова перегнуло за борт. Дух не вышел с первого раза и продолжал выкручивать опустевший желудок. Голова кружилась. Энке обвёл взглядом горизонт – только волны, только вода... Нараставший ветер, как он понял, был от берега, то есть помогал врагам, облегчая путь к таинственным островам. В лицо сильно плеснуло солёным, он закашлялся, и снова согнулся от мучительного спазма.

Сэйды потешались от души.

– Эх, не довезём мы тебя до пыток! Все кишки выблюешь, выпустить нечего будет! А ну-ка бяя!

И Энке против воли ещё раз скрючился. Нутро его горело. Голова уже не просто кружилась – в ней заплескалось озеро боли, мучившее при малейшем движении. А проклятый жёлтый дух не унимался, всё кусал и крутил.

Правы сэйды – куда ему на пытку! Сами они смеются, балагурят и, кажется, не испытывают никаких неудобств. А гордый тавальд, которому не бывать рабом, извивается на дне лодки, словно опарыш, хотя его даже не начинали резать и жечь...

Он снова высунулся за борт и поспешно отпрянул назад – рядом с лодкой показалось чудовище.

На поверхности моря явился чёрный плавник, высокий и острый. Энке едва успел предположить, кому мог бы принадлежать такой плавник – и тотчас же из воды вылетело огромное, почти с лодку тёмное тело. На миг Энке увидел блестящую кожу, белое пятно у глаза и зубы в приоткрытой пасти. И тут же чудовище с шумом ухнуло в зеленоватые волны. В лучах солнца сверкнули неисчислимые брызги.

Сэйды почему-то обрадовались.

– Мэнгитен! Мэнгитен! – закричали они, потрясая вёслами. – Чёрно-Белый! Домой! Домой!

Энке сразу вспомнил своё недавнее видение. Вот он, бог Моря, бог сэйдов, тот, кого они зовут на помощь в бою! К вящему восторгу воинов, Чёрно-Белый снова выпрыгнул из воды, теперь с другого борта. И снова обрушился в волны, подняв тучу брызг.

– Веди нас! Веди! – кричали сэйды.

Бог скользил теперь вблизи лодки, разрезая воду чёрным плавником. Вот он вздохнул, пустив столбик пара, и исчез с поверхности моря, чтобы вынырнуть в некотором отдалении.

– За ним! За ним!

Предводитель налёг на весло, и лодка чуть повернулась, подставив волне заострённую корму.

Энке искренне захотел умереть. Никаких духов леса больше нет рядом. Даже этот хомяк остался там, на берегу. Никто не придёт на помощь. Он, Энке, во власти этого чёрно-белого существа и его свирепых детей, которые от века несли всем Племенам смерть и рабство. Его участь – сгинуть на чужбине Островов. Отец говорил – ни один из пленённых сэйдами не смог вернуться назад, и уж конечно, не потому, что не хотел...

Энке скукожился на дне лодки и забылся – провалился в странное состояние между сном и явью. Он слышал голоса сэйдов где-то далеко над собой, и ещё ему слышалось, что в глубине свёртка кто-то тихонько вздыхает. Перед глазами плясали бредовые видения. Ему мерещилось море с угольно-чёрными волнами, из волн показывали зубастые головы причудливые плавающие твари и бледные голые рыбы с женскими лицами. И над всеми этими волнами и чудовищами, оглашая солёный воздух пронзительным хохотом, мчался вперёд жёлтый дух рвоты.

V

*Подобает аламетам бить каланов, дзинуканам прясть шерсть,
ренонам искать янтарь, моринам ломать соль,
тавальдам собирать грибы, тайверам ловить бобров,
а сэйдам – убивать и грабить их всех.*

Из обрядовой речи на зимнем празднике сэйдов

Энке очнулся от забытья на рассвете. Качки больше не было. Дух болезни вышел, оставив на память тупую боль в животе.

Вместо предводителя на корме сидел один из старших воинов, а ещё двое лениво подгребали, опуская острые весла то с одного, то с другого борта. Остальные спали, завернувшись в шкуры. Такую же шкуру – со сторнным кольчатым ворсом – Энке обнаружил на себе.

Он удивился такой заботе врагов, но, подумав немного, понял, что вызвана эта забота вовсе не добрыми чувствами. Он, вероятно, должен быть выменян, а всё, что предназначено для обмена, должно выглядеть хорошо. Кому нужен простуженный раб, от которого никакого толку?

Хотя голову ещё ломило, к пленнику понемногу возвращались обычные человеческие желания и ощущения. Есть пока не хотелось, но сильную жажду Энке уже чувствовал.

Волна ласково плескала под днищем. Энке приподнялся и выглянул в мир. И сразу же увидел близкий берег.

Этот берег был совсем не похож на тот, который они покинули вчера.

Лодка шла вдоль скалистого обрыва. У подножия серой скалы просматривалась полоса жёлтого песка. А вверху, на обрыве, росли кедры, каждый из которых казался куда выше самой скалы.

Энке видел кедр один или два раза в жизни. Почему-то это дерево не любит равнинную землю тавальдов и тайверов. Но и этот единственный раз Энке запомнил – потому что виденный им тогда кедр превосходил любое из деревьев Леса.

Здесь же, в своей вотчине, кедры были много выше. Красноватые, удивительно прямые стволы уходили под самые облака. Ясно, почему Великий Кедр – именно кедр, а не осина или берёза. Какому ещё дереву под силу прорасти из нижнего мира в небеса богов, да ещё нанизав на себя землю людей и зверей, со всеми её лесами, горами, реками и Морем?! И ещё Энке наконец понял, из какого дерева сделаны боевые лодки сэйдов.

Вот они, Острова, то место, откуда никто не возвращается! Как непохожи они на равнинные леса тавальдов! Серая, голая, неприятная скала, покрытая трещинами, выбоинами, пятнами лишайников, казалась бесконечной. И всё же... всё же на этой скале были кедры. Энке откинулся на спину – только так можно было увидеть вершины огромных деревьев. Маленькие белые облака скользили, казалось, прямо между тёмно-зелёными лезвиями...

Птичий крик стоял вокруг. Энке легко отличил вчерашних больших морских чаек. К хриплым голосам примешивался задорный писк – вокруг сновали небольшие чёрные птички с жёлтыми хохолками и большими красными клювами. Покрикивали визгливыми голосами, а одна даже села на нос лодки. В красном ключе была зажата крошечная рыбка. Птичка заглотила рыбку, визгнула по-своему, и тотчас же унеслась прочь.

Воины зашевелились, сели, моргая глазами.

– О, *кене!* —сказал молодой.

– Хорошо нас принесло, – проговорил предводитель и бросил взгляд на невысокое, недавно вынырнувшее из Моря солнце. – Должны успеть по большой воде дойти.

– Смотри-ка! – сказал один из воинов, показывая на береговые кедры. – *Кэйо!*

Все, включая Энке посмотрели туда, куда показывал сэйд. Вдоль берега, неспешно взмахивая крыльями, тянул в поисках утренней дани огромный морской орёл.

Сэйды заулыбались – они были дома, а орёл, должно быть, считался хорошим знаком.

Через некоторое время полосатая скала слева оборвалась, открывая проход в округлое озерцо, похожее на заводи Пограничной реки, только побольше. Проход был не шире ста шагов, и за ним скала вновь вырастала из воды и уходила дальше.

На берегу прохода, у самого уреза воды сидел мальчишка лет десяти с длиной удочкой в руках. Едва завидя лодку, он вскочил с места и пронзительно завопил. Звук дважды отразился от скал, казалось – кричит сам остров. Затем маленький сэйд, бросив удочку, бросился бежать по берегу в глубину заводи, только пятки сверкали.

Один из воинов опять прошёл в нос, опять наступил на Энке. Посмотрел в воду, махнул рукой. Пленник увидел, как изменился цвет воды из-за близости каменистого дна. Сэйды-гребцы налегли, лодка проскочила пролив, и оказалась в закрытой лагуне. Под днищем вновь потемнело – лагуна была глубокая.

– Клеамат, – сказал предводитель и улыбнулся.

Уютные песчаные берега лагуны поросли невысоким сосняком. Из песка кое-где торчали те же щербатые скалы, как на морской стороне острова, только пониже. На одной стороне бухты берег поднимался отлого, там открывалось устье маленькой текучей речки, а дальше и выше были видны желтоватые кровли жилищ за высоким частоколом. Должно быть, это и был Клеамат.

Туда, в устье речки, предводитель и направил лодку. Несколько сильных взмахов вёсел – и под днищем зашуршал мелкий песок берега. Энке увидел другие лодки, вытасненные на песок – одну большую, раскрашенную, и три маленькие узкие долблёнки, похожие на лодки тавальдов, но более изящно вырезанные. Селение островитян окружал невысокий частокол с подъёмной воротницей, под которую с визгом поднырнул маленький часовой. Внутри слышался гул голосов.

Сэйды вышли из лодки, выволокли пленника и поставили его на ноги рядом с собой.

За их спинами из лодки тихо выскочил хомяк.

Воротница поднялась с натужным скрипом. Первыми за частокол с лаем выскочили псы, а за ними – несколько вооружённых мужчин. Увидев поднятые руки гостей, они что-то крикнули – и ворота тут же родили ораву детей и подростков, которые с диким визгом понеслись к берегу. За ними, оживлённо лопоча, двинулась молодёжь. Отцы семейств, сопровождаемые жёнами, выступили последними и подтягивались долго.

Сэйды, пленившие Энке, дружелюбно махали руками в приветственных жестах. Поселяне махали тоже, а многие здоровались с прибывшими, как старые знакомые, или даже родственники. Да, вероятно, это и были родственники – сёстры или дочери воинов могли быть выданы замуж в это селение, а сами «неназываемые» – женаты на местных уроженках.

И всё же, несмотря на тёплые приветствия, пришельцы не спешили в Клеамат. Энке не мог знать обычаев сэйдов, но догадывался, что они не так уж отличаются от порядков, принятых в других племенах. А меняться у всех принято за границей селений. Вот потом, да если пригласят – а пригласят почти всегда, ибо таков обычай, да и надо же новости узнать! – можно идти в селение, пировать, хвастаться подвигами, заключать союзы, сватать детей...

Энке окинул взглядом толпу и берег. Кедровые росли здесь только на морской стороне, а вокруг бухты теснились невысокие корявые сосны. Каждая имела свой нрав и выгибалась причудливыми кривулями. Это даже могло показаться красивым, но... Ни тебе берёз, ни осин, ни ольхи, ни чащи высоких резных папоротников в подлеске. Скучная красота...

Дети прибежали на берег первыми, запрыгали вокруг, смеялись, показывали на Энке пальцами, а кое-кто из самых смелых даже подёргал его за подол рубахи. Подростки вели себя куда более сдержанно – они учтиво перемолвились с гостями и встали чуть поодаль, сложив руки на груди и стараясь подражать взрослым в манерах.

Впрочем, один из детей почему-то не прыгал вместе со всеми. Мальчик, которому на вид было зим десять—двенадцать, стоял в стороне и смотрел куда-то мимо Энке, на воду лагуны. Энке невольно задержал на нём взгляд – у мальчишки было неестественно бледное лицо и русые волосы, намного более светлые, чем у сэйдов.

«Наверно, пленник», – подумал Энке, и тут мальчик поднял на него глаза.

Бледное лицо побелело ещё сильнее. Энке показалось, что мальчишка вот-вот заплачет. В следующий миг странный паренёк отвернулся и поспешно ушёл, почти убежал с берега.

Энке тоже отвернулся и стал разглядывать лодки, вытасенные на песок. Самая большая из них даже превосходила по размерам ту, на которой его привезли. Высокий нос лодки тоже был украшен изображением бога, только куда более понятного. По бортам лодки раскинул крылья красно-жёлтый орёл, его клюв приходился на самую макушку водореза, а свирепые чёрные глаза были устремлены в небо. Эту лодку защищал сам Таканга, повелитель грома и великий борец с жуткими тварями нижнего мира. Такой же резной орёл, только маленький, висел у входа в *хабаган*, отвращая от жилища зло.

Пленник всмотрелся в резное украшение – вдруг опять придёт видение, как тогда, на берегу Пограничной реки? Но ничего не последовало. Богу нечего было сказать или показать Энке, во всяком случае, сейчас.

Между тем к берегу спустились хозяева Клемата – солидные взрослые воины в замшевых одеждах и коротких меховых плащах, небрежно накинутых на плечи. Через плечо у каждого мужчины висела расшитая раковинами сумка. У тавальдов тоже есть такие сумки, только иначе сделанные, в них носят *ута* – памятные вещи, в которых живёт дух-покровитель владельца. Ну, и прочее что-нибудь нужное можно туда положить.

Наконец между хозяевами явился и вождь клеаматских сэйдов – грузный пожилой мужчина с неприятным, суровым взглядом. В руках он держал священный жезл с резным каменным навершием в виде медвежьей головы. Замшевая рубаха предводителя была разрисована птичьими фигурками, а голову покрывала шляпа, затейливо сплетённая из можжевельных корешков. Но особенно поражал плащ, брошенный на плечи вождя. Обычно наплечные накидки шьются из шкур. Но дзинукане, живущие далеко на севере, умеют прясть шерсть горных коз и плести из этой шерсти нарядные плащи, которые окрашивают в нарядный тёмно-красный цвет и расшивают клювами *кене*. Энке один раз видел подобный плащ на дзинуканине-меняле, который побывал в Лососьем селении. Но то был плащ дорожный, с вылинявшей краской и без украшений. А накидка вождя словно горела огнём, а птички клювы, нашитые на неё ровными рядами, чуть побрякивали при каждом шаге.

Вождь, как и подобает человеку его положения, явился на берег не один. За ним шагали молодой парень, взрослый мужчина огромных размеров, и две жены – старшая и младшая. Эта младшая на вид была лишь немногим старше Энке, её можно было бы принять и за дочь вождя, но в этом случае она копалась бы сейчас вместе с подругами в привезённом янтаре, а не стояла бы смиренно за спинами предводителя и его старшей жены – высокой женщины с резкими складками вокруг рта.

В шаге позади сановитого вождя переминался с ноги на ногу юноша, примерно одних лет с Энке, только несколько выше и почти вдвое толще. У парня уже выдавалось брюшко,

а черты одутловатого лица было настолько сходны с чертами вождя, что сомнений не оставалось. Конечно, толстяк – сын предводителя этого рода сэйдов. В пользу этого говорила и одежда юноши, расшитая сложными узорами из осколков раковин – соплеменники были одеты куда проще.

При появлении вождя обитатели Клеамата притихли и расступились, давая предводителю дорогу. Владелец священного жезла приблизился к гостям, поднял правую руку вверх и произнёс:

- Энакалим!
- Атангва-вождь! – отвечал старший из сэйдов, пленивших Энке.
- Откуда?
- С востока.
- Куда?
- На юг.
- Что видели?
- Тень рыбы.
- Что слышали?
- Крик леса.

Всё это произносилось торжественно и внушительно. Наконец, после полагающегося в таких случаях начала разговора, вождь заговорил обычным голосом:

– В Клеамате всегда рады тебе и твоим сородичам, Энакалим! Рады видеть вас живыми и целыми, да верно, есть и *холук*?

– Есть *холук*, – широко улыбнулся Энакалим, – а для тебя есть даже и *хич*.

Он махнул рукой в сторону Энке. Вождь метнул взгляд на пленника, и тут же отвернулся.

– А ну, – сказал Энакалим двум своим воинам, – несите *холук*! Хочу я поглядеть, как запищат клеаматские при его виде!

Сэйды вытащили из лодки свёрток и начали медленно его разворачивать. Девчонки и детвора слегка подвывали от нетерпения. Наконец, края пятнистой шкуры раскинулись на песке, и жители Клеамата увидели добычу сэйдов.

Энке догадывался, что от этих семерых «неназываемых» претерпел не он один. Слишком уж легко воины отказались от продолжения своего похода в тавальдский лес. У них уже было кое-что, и это кое-что было весьма ценно. Даже мужчины-клеаматцы – а уж воинам не пристало шумно выражать чувства! – нестройным хором сказали «ууу!!!».

Первое, что бросалось в глаза – куча рыжих кусков янтаря, того богатства, которое, как слышал Энке, водится только на далёком взморье ренонов, да и то не везде. Его добычей занимаются особые ловцы, и вероятно, именно таких ловцов и ограбили эти сэйды. Гладкие бляшки из такого же янтаря уже сверкали на одежде многих жительниц селения, но разве бывает для девушки слишком много украшений?

Правда, из этих кусков ещё только предстояло делать всякие нашивки и фигурки. Но это ничуть не снижало ценность сокровища в глазах клеаматских сэйдов. Девчонки с упоением рылись в куче рыжих обломков, то и дело бросая умильные взгляды на отцов и братьев. Жёны-матери вели себя сдержаннее, но тоже ненавязчиво теребили воинов, заглядывая в суровые лица. Мужчины, чья слава измеряется в том числе и украшениями их жён и дочерей, сдержанно кивали головами, а некоторые уже послали домой младших детей – принести для обмена меховые одеяла.

– Вот, – сказал предводитель, извлекая нечто из кучи янтаря. – Кому достанется?

Это был длинный нож, вырезанный с большим изяществом из оленьего рога. Обоюдоострый клинок был по краю усажен тонкими острыми пластинками тонкого кремня. Эти каменные лезвия были подогнаны одно к другому настолько плотно, что режущий край становился

единой линией без малейшей шербинки. Рукоять ножа была вырезана в виде фигуры Цетау, Хозяйки Луны, матери и покровительницы всех героев, а ножны отделаны иглами ежа.

При виде сокровища сэйды загудели и защёлкали языками. Кто-то выкрикнул сзади:

– Сразу четыре одеяла даю!

В первом ряду воин постарше немедленно прибавил ещё одно одеяло. Но тут сын вождя разлепил тонкие губы и высоким, почти писклявым голосом произнёс:

– Мне! Пять одеял дадим! – и вопросительно посмотрел на отца.

Атангва болезненно дёрнул щекой, но потом едва заметно кивнул Энакалиму. Тот улыбнулся и передал нож вождю.

По толпе клеаматцев пронёсся ропот разочарования.

«А не любят же тебя, жирный!» – подумал Энке.

Толстый сынок протянул было руку за ножом, но Атангва сурово посмотрел на него и сказал что-то короткое. Парень отдёрнул руку и слегка покраснел.

Из кучи янтаря выволокли ещё какую-то вещь, снова поднялся шум и торг пошёл своим чередом. Энке стало скучно. Стоять было неудобно, солнце уже вышло в середину неба и ощущимо жгло. И в этот миг пленник ощутил на себе внимательный взгляд.

Перед ним стоял высокий мужчина в замшевой рубахе и ноговицах. Замша его одежды была обычная, оленья, а не тонкая жёлтая, как у большинства островитян. От солнца, морской соли и долгой носки одежда выцвела и приобрела почти белый цвет. Правую щёку сэйда пересекал извилистый светлый шрам, резко выделявшийся на загорелой коже.

На вид этому жителю Клеамата можно было дать примерно столько же лет, сколько и предводителю того маленького отряда, который захватил в плен Энке. Многочисленные мелкие морщинки на лице островитянина, седые пряди в тёмных волосах ясно указывали на возраст. Но предводитель выглядел пожившим и усталым – в его взгляде не было задора, и он, помнится, говорил тогда, в лодке – «Я стар... Мне хватит...». Этот же глядел на мир весело, с живым любопытством.

Ещё более разительно было отличие мужчины в белом от вождя и его сынка. Грузный вождь двигался неспешно, говорил медленно, словно нехотя. Казалось, он даже моргает неохотно, только по необходимости, чтобы освежить подсохший тусклый глаз. А этот сэйд был поджарым, сухим, двигался легко и быстро. Если бы Энке обратил на него внимание раньше, то смог бы заметить, что на берег мужчина в белой замше прибежал одним из первых, покрывая расстояние длинными прыжками.

Сейчас худощавый воин – а по его манере двигаться было ясно, что это именно воин, сильный и ловкий – стоял прямо перед Энке и внимательно разглядывал пленника. Вид у гордого тавальда, которому, как известно, не бывать рабом, был неказистый – волосы спутаны, босые ноги в царапинах после бега по лесам и лугам, рубашка из косульей кожи прорезана на животе и показывает тощее пустое брюхо. Энке не мог видеть себя со стороны и не знал, что лицо его после морского перехода имеет нездоровый бледный цвет с зеленоватым отливом.

Сэйд поймал взгляд пленника.

Энке не отвёл глаз. Чего ему бояться, хуже уже не будет.

Сэйд согнал с лица лёгкую улыбку и поглядел уже более сурово. Такой взгляд взрослого человека способен без слов остановить шалости заигравшихся детей – если, конечно, взрослый уверен в своей силе и власти.

Энке смотрел на воина неотрывно и непреклонно. Во-первых, ему не раз случалось играть в гляделки – и с отцом, и с мальчишками, пока он ещё жил в селении Лососьего рода. А во-вторых – получите, враги!

Внезапно лицо воина сделалось страшным. Тёмные глаза вспыхнули, губы сжались. Энке увидел перед собой лютого убийцу, не знающего пощады. Это лицо было гораздо страшнее тех бешеных глаз молодого сэйда, разрезавшего ему рубаху.

Однако, каким бы страшным не казался сейчас этот чужой воин, лицо его было не страшнее морды хищной свиньи, вонзающей в тело отца Энке длинные желтые клыки. И юноша показал врагу язык и презрительно фыркнул.

«Будь храбр! – не раз говорил отец и, чтобы эти слова не оставались лёгким сотрясением воздуха, добавлял: – Покажи врагу готовность умереть – и умирать не придётся!»

Вот тебе твои гляделки, сэйд. Фррр!

Страшная маска исчезла в мгновение ока. Сэйд расхохотался и хлопнул себя руками по бёдрам.

– А отдайте мне этого! – неожиданно сказал человек со шрамом, указывая на Энке.

Главарь сэйдов, пленивших юношу, бросил вопросительный взгляд на вождя, потом на своих, потом на пленника. Должно быть, такой поворот дела не входил в его замыслы – он предназначал свою добычу предводителю клеаматцев.

– *Хич* мой, – хмуро и словно нехотя произнёс вождь. – Семь одеял за него дам, как и обещал!

Воин со шрамом покачал головой, но потом лукаво сощурился и сказал:

– Я дам десять!

При этих словах воины Энакалима негромко ухнули от удивления и жадности. Глаза их загорелись, они выжидательно смотрели на предводителя. Тот пока не знал, что сказать, и взгляд его ничего не выражал, кроме недоумения.

Вождь тяжело засопел. Смуглое лицо стало менять цвет на ещё более тёмный – он злился.

Воин в белой замше смело смотрел Атангве прямо в лицо. У Энке захватило дух – вот она, сила *ву*! Ему случалось пару раз видеть подобные сцены между его отцом и вождём Уэнунтом, и сейчас пленник поймал себя на желании победы для этого воина со шрамом. Он словно видел перед собой отца и Уэнунта, и сейчас ему хотелось, чтобы воин в белом победил.

Но на стороне вождя было своё преимущество. Он не отвёл взгляда, надулся ещё сильнее и хрипло проговорил:

– Не тебе со мной торговаться, Теанаркут, хоть ты и получил подтверждение в пяти общинах! Двадцать одеял даю!

Вероятно, это был серьёзный удар. Уэнунт в своё время раздал, по слухам, двенадцать одеял за изгнание отца Энке, и эти двенадцать одеял считались большим сокровищем в Лососьем роду. А уж чтобы разом отдать двадцать – у кого из тавальдов бывало подобное богатство?

Вокруг стало тихо. Даже девчонки и дети, с упоением копавшиеся в куче янтаря, затихли и отодвинулись в задние ряды.

Теанаркут – теперь Энке знал, как зовут воина в белом – не отступил ни на шаг. Лицо его стало серьёзным, он больше не улыбался. Воин оглянулся назад – за ним стояли несколько мужчин. Он что-то спросил у них, те закивали головами. Лёгкая тень улыбки вернулась на обезображенное лицо.

– Двадцать пять! – задорно воскликнул сэйд.

Вождь густо побагровел. Налившееся кровью лицо рыкнуло:

– В долги полез? Больше меня хочешь быть? Попробуй!

С этими словами тучный вождь стащил с себя роскошный дзинуканский плащ и размашистым движением швырнул его в лодку Энакалима. Толпа на берегу хором выдохнула.

– Двадцать пять одеял и вот это! – сказал Атангва, обернулся к могучему мужчине, который всё это время стоял у него за спиной и скомандовал: – А ты веди раба в дом!

Большой сэйд повиновался. Разрезал верёвки на ногах Энке, положил на плечо пленника тяжёлую руку и подтолкнул в сторону селения.

– Перебирай ногами!

Пленник побрёл к воротнице, поначалу слегка спотыкаясь. По мере приближения к частоколу Энке всё меньше ощущал резкий, надоевший запах моря. Из селения тянуло дымом, струганым деревом и жареной рыбой.

Жилища клеаматских сэйдов были больше и выше, чем постройки тавальдов Лососьего рода. Стены их набирались из врытых в землю жердей, а высокие кровли сэйды делали из огромных желтоватых шкур каких-то морских зверей. Посреди селения стоял высоченный столб с резными изображениями священных предков. Предки были все как один пучеглазые и зубастые, знакомые Энке звери и птицы в них не угадывались, кроме длинноклювого Отца Ворона. Ворон, Создатель всего, был, как и подобает, вырезан в самом низу столба.

Невдалеке от священного столба стоял ещё один столб, поменьше и без резьбы – просто гладкое кривоватое дерево без коры и ветвей, покрытое сверху донизу бурыми пятнами. Не надо было иметь мудрость Великой Змеи, чтобы догадаться, для чего предназначен этот столб.

Мужчина подвёл Энке к одному из жилищ. К стене дома был пристроен навес из жердей, крытый камышом.

– Спать будешь здесь! – буркнул здоровяк, ткнув пальцем в некое лежище из старых шкур, устроенное под навесом. – Отхожее место – там! – махнул куда-то за дом. – Попробуешь бежать – задушу.

Повернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь.

Энке наконец-то остался один. Одиночество, впрочем, было кажущимся – жители Клеамата понемногу возвращались с берега в селение. Энакалим и его воины шагали рядом с вождём Атангвой – должно быть, тот позвал их в гости. Но рядом с ним теперь никого не было, руки и ноги его были свободны, и он с удовольствием начал их растирать и разминать.

И в этот миг Энке увидел хомяка.

Зверь вылез откуда-то из кустов малины, росших в изобилии под частоколом, и потрусил под навес. Там он уселся в шаге от пленника и принялся деловито умываться.

Неужели тот самый? Или просто какой-то местный – но такой же крупный? Не с чего дикому хомяку идти к жилищу людей – правда, может здешние хомяки другие?

Энке подумал о духах, но подумал и про другое. Сейчас, когда напряжение несколько схлынуло, он ощутил жестокий голод. Жирный хомяк сидел рядом и умывался. Энке, конечно, не собирался его ловить и есть, но невольно бросил на зверя оценивающий взгляд. Ведь совсем несъедобных существ в мире леса не так уж и много. Конечно, защитный запах лесного хомяка отвратителен. Страшнее него в этом смысле только прыгучая вонявка, от той и свинья бежит. Но если сразу вырезать гадкие железы, которые у хомяка под хвостом, зверёк вполне вкусен... И пленник снова бросил взгляд на нового соседа.

Хомяк перестал умываться и тоже посмотрел на Энке.

– Даже не думай! – внезапно промолвил грызун на языке Лососьего рода.

VI

В горы Койю, в клан Медведя замуж продали её.

Началось у Наскуэнки невесёлое житьё.

Притесняла Наскуэнку злая старшая жена,

Черпаком из рога лося была бедною она...

«Эгветак и Наскуэнка»

Конечно, звери и птицы говорят, но обычно всё же на своём языке. Этот язык можно понимать, и многие из шаманов умеют это. Но то шаманы, на то им и даны способности, знания и духи-помощники. Дар понимания зверей и птиц случается и у *туджигинов*. Был в Лососьем роду один такой малахольный парень, лет на шесть старше Энке. Он вечно слонялся по селению и что-то бормотал себе под нос. Бывало, его посещали видения по ночам, и тогда парень страшно кричал, а изо рта у него шла желтая пена. Думали, что он станет шаманом, но не случилось – примерно в возрасте Испытания он в очередной раз увидел нечто, закричал, бросился бежать и утонул в реке. Тело его нашли через пару дней, и шаман велел его сжечь, и ещё сказал, что парень был *схвачен*, поскольку бежал не так быстро, как надо было. Энке был мал тогда, и сильно испугался всего этого. Более же всего он боялся, что и ему начнёт являться какая-нибудь нежить – например, *белые покойники*, или *мокрые девушки*. Но время шло, Энке рос без всяких чудачеств, как любой мальчишка его племени, и с годами забыл о своих страхах. Он, конечно, увидел раз или два древесных духов – а кто их не видел? Нельзя жить в лесу и ни разу не увидеть древесного духа. И потом, древесные духи совсем не страшные...

Сейчас Энке испугался почти до стука зубов, совсем как тогда, в детстве, при виде пены на бледных губах *туджигина*. Неужели и с ним началось? Смотрит на рисованного зверя – и видит чужих воинов, а теперь ещё и хомяк заговорил...

Конечно, из таких вот *туджигинов* с видениями нередко получают настоящие шаманы и пророки, которые изгоняют плохих духов и правильно предсказывают будущее. Но Энке никогда не хотел быть шаманом, он хотел быть героем.

Вот и что ему сейчас делать? Отвратить нечистое рукой и заклинанием? Самому заговорить со зверем? А если заговорить – то о чём? О чём вообще могут говорить человек и хомяк, не о погоде же, и не о том, в какой заводи лучше клюёт лещ! Правда, этот хомяк скорее свой, чем чужой, и всё же...

Энке воровато махнул правой рукой под левую и оглянулся по сторонам. Селение наполнилось народом, но до него по-прежнему никому не было дела.

При виде торопливого жеста пленника хомяк слегка фыркнул, потом продолжил вылизываться. Было ясно, что «отвращение зла» не произвело на пятнистого ни малейшего впечатления.

Тогда Энке решил пойти по второму пути.

– Ты... – проговорил он, облизнув губы, – ты можешь слышать мысли?

– Чтобы слышать твои мысли, много ума не надо! – сказал хомяк. Голос у него был негромкий, с хрипотцой и лёгким подвизгиванием. – На меня не каждый день смотрят таким голодным взглядом, аж не по себе сделалось! Кстати, тебе несут пожрать, так что не смотри на меня так больше, сделай милость!

Из-за угла жилища вынырнула младшая жена вождя Атангвы с плоской воды и большим куском рыбы на плоской глиняной сковородке. Хомяк в мгновение ока скрылся под шкуру.

Энке снизу вверх смотрел на молодую женщину. Что и говорить, островитянка была хороша! Густые тёмные волосы были заплетены в две толстые косы длиной почти до пояса, огромные глаза смотрели задорно и весело. Длинная рубаха из птичьих шкурок плотно облегла гибкое, сильное тело. Чёрные перья морских птичек-кене так и блестели на солнце. На расшитом очелье младшей покачивались костяные привески с прорезанными медвежьими мордами.

– Ешь! – сказала красавица и улыбнулась. – Да не накидывайся, а то ты после моря зелёный!

Из глубины строения донёлся резкий женский голос:

– Туссету! Туссету, бездельница, куда ты делаешь?

Младшая поставила еду и воду перед пленником и проворно убежала в дом.

Туссету, значит. Энке много думал о том, как откажется от еды в стане врагов и уморит себя голодом, но почему-то именно эту Туссету ему не хотелось огорчать. И вкусно, слишком уж вкусно пахла жареная рыба.

Хорошо зная, что нельзя после вынужденного поста набрасываться на еду, Энке сперва хлебнул воды из миски, и лишь потом принялся понемногу жевать рыбу. Хомяк тотчас вынырнул из складки шкуры и обосновался рядом.

– Скажи... – Энке всё ещё плохо понимал, как и о чём говорить с необычным зверем. – Ты действительно говоришь, или у меня видения? Я... я не *туджигин*?

Хомяк снова фыркнул.

– Из тебя такой же *туджигин*, как из меня большой рогатый лось! Успокойся, я на самом деле говорю, а ты меня слышишь.

– Ты могущественный дух? – Энке говорил тихо, чтобы не привлечь ненужного внимания сэйдов, которые толпились у дверей дома.

Зверь приосанился.

– Я – могущественный хомяк! – гордо сказал он. – Тебе и этого хватит, поверь!

– Но ты... ты говоришь, как люди?

– А что тут такого? Никогда не слыхал, чтобы хомяк говорил? Вы, люди, не так уж много знаете о зверях, хотя спеси у вас хватило бы на всех обитателей Великого Кедре. Да что вы вообще знаете о нас? Вы дразните нас, говоря «битва ежа с хомяком», а думаете, легко победить ежа? Зовёте вы крота слепым – да знаете ли вы, что крот ослеплён в наказание за свою силу и несокрушимый дух? Ладно, ну тебя! – махнул лапкой грызун. – Спроси-ка лучше ещё какую-нибудь глупость, пока у меня хорошее настроение!

– Ты... ты послан духами леса?

– Зачем бы это? – переспросил хомяк с недоумением.

– Чтобы спасти меня от сэйдов.

Зверёк ещё больше выгарашил свои глаза навывкате, а потом опрокинулся на спину с визгливым хохотом.

– Ну ты хватил, герой! Ты всерьёз думаешь, что духам леса есть до тебя дело? Много чести!

– Тогда... почему?

Хомяк перестал валяться и снова уселся на толстый круглый зад.

– Почему я тогда в лесу кусаться полез? Да чтоб весело было! Ты видел их глупые рожи? С копытами от хомяка обороняться стали! Ну правда, умора же?

Энке почувствовал себя уязвлённым. Он-то думал...

– Здесь-то ты что тогда делаешь?

– А вот этот вопрос уже поумнее будет. Но слишком много вопросов за один раз! Почешу-ка брюшко! – и грызун снова завалился на шкуру, показав светлый ворсистый живот.

Энке нерешительно протянул руку, но тут же отдернул её назад.

– Чеши давай! – сказал хомяк. – Да сильно не дави, а то укушу!

Юноша почесал кончиками пальцев мягкое хомячье брюхо. Зверь закатил глаза и открыл рот с длинными жёлтыми резцами.

– Годится! – сказал он наконец. – Но боюсь, что мой ответ тебя не порадует.

Хомяк воссел, надул щёки и важно изрёк:

– Я здесь потому, – тут он выдал небольшую паузу, как делают красноречивые ораторы, – потому... что я так захотел!

И с хохотом опрокинулся на спину, размахивая в воздухе короткими лапками.

Энке разозлился.

– Знаешь, хомяк, в голодные годы я ел твоих сородичей!

– Прости! – с деланным раскаянием сказал грызун. – Но я действительно здесь именно поэтому, а вовсе не потому, что верхние боги посоветались и решили спасти одного маленького тавальда.

– Я не маленький!

– Конечно, конечно, – покорно согласился мохнатый собеседник. – Ты большой воин, на насмешки врагов «бя» делаешь!

Энке обиделся и замолк. Он действительно верил в помощь духов леса, и появление этого хомяка его поначалу обнадёжило – духи не оставят! А теперь выясняется, что хомяк – просто хомяк, да ещё с мерзким нравом, и никакой пользы от него нет. Но ведь он говорит по-человечески, а это немало, и поминает верхних богов, и знает нечто важное о кроте. Нет, хомяк не прост, это ясно, вот только как с ним дальше быть? Он ведь теперь не отвяжется...

Юноша откинулся назад и прислонился к стене жилища вождя. Он вспомнил, как некогда отец учил его доверять предчувствиям. Вот что первое почувствовал в той или иной ситуации – то, скорее всего, и сбудется. Когда в следующий миг начинаешь размышлять и что-то придумывать – это уже не то, это думание может и подвести. А предчувствия подсказываются напрямую духами-хранителями, только понять их правильно не всегда удаётся, и это порождает большие трудности.

Сейчас предчувствие подсказывало Энке, что долго сидеть и думать ему не дадут, поэтому для отдыха и восстановления сил надо пользоваться каждым миготом. И ещё у него возникло непривычное и не самое приятное ощущение – что им, Энке, занялись какие-то неведомые силы, а он начисто лишён свободы выбора. Взять хоть этого хомяка, свалившегося на него невесть откуда.

Хомяк между тем улёгся на шкуре и свернулся в плотный меховой шарик. Пятна на его теле походили на солнечные блики, так что с ходу разглядеть зверя было трудно.

– Хомяк? – окликнул его Энке.

– Чего тебе? – отозвался грызун, приоткрыв один глаз.

– Раз уж ты такой умный, скажи, что такое «хаквах»?

– Маленькая вонюченькая ящерка, – отвечал хомяк без малейшей запинки и с видимым удовольствием. – Гадёныш, одним словом.

Энке помолчал. Однажды он припомнит им и это...

– А «хич» – раб, правильно?

– Почти. Хич – это раб, назначенный для обрядового убиения.

Юноша вздрогнул. Значит, вот для чего он выменян! Вождь отдал за него двадцать пять одеял и плащ-сокровище, чтобы потом убить?

Энке всегда считал, что рабы нужны для тяжёлого труда. Вообще-то в Лососьем роду на памяти Энке никогда не бывало рабов. Сородичи жили вдали от племенных границ, а в межродовых распрях Лососий род не участвовал с тех пор, как Коссетан, дядя подлого вождя Уэнунта, враждовал с родом Жабы задолго до рождения юноши. Энке знал рассказы о войнах, знал, что противника можно захватить в плен и обратить в раба, но вот что с этим рабом проис-

ходит дальше – он представлял себе с трудом. Более понятным ему казался другой исход пленника – смерть под пытками у столба. Тут всё ясно – пытающие получают силу врага, подавляя его дух, а ещё – удовольствие от зрелища. А для пленного война столб – последняя возможность проявить стойкость и стяжать славу. Ведь бывало же так, что враги, поражённые силой духа пленника, освобождали его и отпускали на волю, а то и принимали в племя. Но уж если не замучили сразу – зачем убивать потом, какая в этом слава? Особенно если пленник не в бою захвачен, а на шкуры выменян?

– Что-то ты приуныл, – заметил хомяк, разворачиваясь из шарика. – Наплевать, не бойся!

– Я не боюсь! – резко сказал Энке. – Но... зачем?

– Как зачем? На Атангву и так косятся, что он слишком много одеял дома держит, и три года воинам топоров не дарит. Местные об этом на берегу болтали. А, впрочем, – тут хомяк вскочил на все четыре лапы, – как я вижу, все набиваются к нему домой. Пойду-ка повожу там носом!

Хомяк трусцой побежал за угол обширного строения, ко входу в жилище. Оттуда слышался гул голосов и смех – клеаматцы и впрямь подтягивались к дому вождя.

– Постой! – негромко крикнул Энке ему вдогонку. – Имя-то хоть у тебя есть?

– Имя? – переспросил хомяк. – Ладно, зови меня просто «Грызущий»!

С этими словами хомяк пропал за углом.

Более всего в жизни Энке ненавидел вынужденное ожидание. Сколько ни говорил ему отец о важности выдержки для охотника и воина – с терпением у юноши всегда были большие трудности. Сейчас как раз настало время такого ненавистного ожидания. Сэйды и вправду в большом числе набились в дом вождя. Тот принимал у себя Энакалима и его воинов, и ещё пригласил всех местных мужчин послушать новости. Через стену дома Энке слышал гул многочисленных голосов, но разобрать слова было невозможно.

Никому не было дела до нового раба Атангвы. Энке сидел под навесом, изнывал от безделья и неизвестности, и размышлял.

Где-то далеко-далеко, на берегу лесной речки, стоит сейчас *хабаган* из жердей, ветвей и коры. В нём живут больная женщина и девушка-подросток, которые не дождались сына и брата с рыбалки. Что они сейчас делают? Да это, впрочем, не столь важно. Что с ними станет дальше – вот это вопрос...

Эйя, конечно, будет бороться до конца. Она смелая, сильная для девчонки, и многое умеет. Ей вполне по силам смастерить небольшой лук для охоты на всякую мелочь, или сплести лыковую вершу. Грибы и ягоды скоро пойдут. Осень – лучшее время, сытное. Но потом настанет зима...

Да и не только в пропитании дело. Можно хоть весь *хабаган* забить сушёными грибами и копчёной рыбой, а если зверь придёт? Охотник Хаккатуш был во всём Лососьем роду лучшим, в одиночку хищную свинью на копьё взял, по двадцати бобров за осень добывал. А потом в его *хабаган* заглянул тигр, придавил спящего Хаккатуша и уволок. Это отец и его друзья по следам выяснили. Что не съел тигр, то начисто прибрали кабаны, даже башмаки сжевали. Остались от большого охотника одни рукавицы, они ещё в *хабагане* выпали.

Впрочем, если нагрянет тигр, то и от Энке помощи будет немного.

Откуда-то вынырнул большой кудлатый пёс. Поглядел на пленника, зевнул, потянулся и улёгся невдалеке.

«Сбежишь, как же», – подумал Энке, переводя взгляд с гладких брёвен частокола на собаку и обратно.

Даже если удалось бы удрать из селения, – куда денешься с острова? Лодку угнать? Энке вспомнил недавнего рвотного духа, напавшего на него в море. Нет и ещё раз нет!

В двери дома Атангвы больше никто не заходил – все приглашенные собрались внутри. За стеной слышался гул голосов, к которому время от времени добавлялся барабанный бой. Время ползло невыносимо медленно, и Энке решился. Осторожно, озираясь по сторонам, он подобрался ко входу, завешенному шкурой и, приподняв край, заглянул внутрь.

В самой серёдке жилища пылал продолговатый очаг, обставленный вкопанными горшками. Дым тянулся под кровлю и неспешно полз наружу через отверстия под коньком. Вокруг очага сидели гости и приглашённые клеаматцы, кто на земляных лавках, а кто и просто на полу. Напротив входа был устроен высокий помост, на котором восседали сам хозяин Атангва, Энкалим и двое местных стариков в таких же дзинуканских плащах, как тот, который до сегодняшнего утра был и у самого Атангвы. По всем стенам и углам дома висели связки какой-то сушёной еды. Такой же пищей подкреплялись и гости Атангвы – что-то более сложное не успело бы приготовиться.

Младшие из воинов Энакалима приплясывали перед помостом, в лицах рассказывая о похождениях отряда. Они тыкали друг друга воображаемыми копьями, и время от времени кто-нибудь из них, воздев руки, падал на земляной пол. Зрители были довольны и хохотали вовсю.

У самой двери неподвижно сидел худой, морщинистый старик с барабаном на коленях. Он смотрел прямо перед собой, почти не мигая, и в своём оцепенении походил на изображение какого-нибудь священного предка.

Время от времени кто-нибудь из гостей или хозяев вставал с места и, держа в руках берестяную чашу с питьём, провозглашал речь. С последним словом говорившего идол предка оживал и выбивал на барабане короткую дробь.

Торчать на пороге было небезопасно, и Энке тихонько отполз обратно под навес. Снова невыносимо потянулось время. Казалось, этому длинному летнему дню вообще не будет конца. Наконец, солнце опустилось за деревню и скрылось в кривых соснах.

Грызущий появился, по своему обыкновению, внезапно. Только что шкура была пуста – и раз! – на ней уже сидит хомяк и вертится, устраниваясь поудобнее.

– Ну? Что там говорят? – быстро спросил Энке.

– Много чего, – ответил грызун. – Но сначала – брюхо почешу!

Пришлось вновь поскрести толстый хомячий живот. Наконец грызун принял обычную позу, встряхнулся и начал:

– Ну, слушай. Тот Энакалим, который тебя изловил, приходится вождю дальней родней – его брат женат на младшей сестре вождя. В своей общине он обеднел, отдавая долги богатеям, и задумал поход. Согласились к нему в товарищи немногие, поэтому он разумно рассудил, что подниматься высоко по рекам и нападать на селения не стоит. Сразу по выходе в море они попали в бурю, которая отнесла их далеко на юг, к мысу Кабанья Голова. Не спрашивай меня, где это, вероятно – очень далеко. Тут наехали они на отряд ренонов, которые ловили янтарь для верховного вождя Стацупина...

– Как это – «верховного»? – перебил Энке.

– Обыкновенно. В Стране Дубов есть вождь, который главнее всех прочих.

– Но ведь вожди всех родов равны, разве у ренонов не так?

– У ренонов многое не так, – сказал хомяк. – Вожди и у них равны, и всё же Стацупин из них – самый богатый и самый сильный по числу воинов, поэтому многие признают его превосходство и подчиняются его решениям. И вот Энакалим со своими парнями напал на сборщиков, пятерых они убили и обобрали дочиста, а двум удалось уйти. Тут захватили они янтарь и по паре хороших ножей и наконечников, но им было нужно другое – Энакалим знал, что Атангва с прошлого года остался без рабов, и готов дорого дать за *лича* на летний праздник...

Энке ощутил противное посасывание где-то внутри. До летнего праздника оставались считанные дни. Сам он не умел его точно вычислять, так что праздник мог настать уже завтра.

– Бежать надо! – негромко произнёс он.

– Возможно. Но послушай дальше. Там был тот, со шрамом, который хотел перекупить тебя.

– Теанаркут! – вспомнил Энке имя воина.

– Да. Он снова предложил Атангве выкупить тебя, внося тридцать одеял в три приёма. Выступил он с таким предложением как раз тогда, когда Энакалим рассказывал, что ты строптив, и с этим были затруднения.

«Знай наших!» – самодовольно подумал Энке.

– Атангва снова отказался. Он сказал так: «Думаешь, я не знаю, что ты хочешь освободить его и воспитывать вместо сына? Нет, *лич* мой, а что до его дурного нрава, так я расстанусь с рабом при всём народе на День Большого солнца». Многие нашли, что это была не самая лучшая из его речей.

Юноша вздрогнул. Недаром воин со шрамом показался ему похожим на его отца! Похожим не лицом, а внутренней силой, которую Энке ясно умел различать в людях – потому что пример такой силы всегда был перед глазами. У этого сэйда есть чему поучиться. И кто знает, может быть...

Энке мотнул головой. Нет, нет и нет! Только бегство! Да и не получается ничего у этого Теанаркута.

– Я там у дверей послушал разговор гостей, – добил его Грызуций. – Сын Теанаркута разбился пять лет назад в лодке на прибрежных камнях.

Энке не успел до конца осмыслить эту новость – из-за угла дома вышла Туссету.

– С кем это ты тут болтаешь? – весело спросила она и бросила пленнику меховое одеяло. – С собакой?

Грызуций в мгновение ока скрылся в складке шкуры. Впрочем, в сумерках хомяк и так не бросался в глаза.

– Я... нет... – начал отвечать Энке, но Туссету уже скрылась за другим углом – лёгкая, быстрая в движениях, каждый шаг – как движение танца.

– Ту... – только и успел сказать пленник. Ему очень захотелось что-нибудь сказать красавице, но что именно – он не успел придумать.

Энке подтянул к себе одеяло и вздохнул.

– Оо! – протянул хомяк. – Да ты, никак, жену вождя захотел!

Энке ощутил жар на лице и понял, что сейчас оно сделалось красным.

– Молчи, хомяк, я...

– Знаю, знаю! – перебил Грызуций. – Что и говорить, то, что ты ел хомячков, пусть и с большой голодухи, не делает тебе чести! Но младшая и впрямь хороша на ваш людской вкус, так что если тебя не убьют в ближайшие пару дней, займись-ка ей, а то девчонке нелегко приходится! Видел эту старую ведьму?

– Видел... – пробормотал Энке.

– Её зовут Ога. Местные говорят, ведьма она настоящая, из тех *чёрных ведьм*, которые призывают на помощь нижних духов. – И хомяк, до сих пор говоривший вполне спокойно, вдруг злобно прошипел: – Ненавижу таких!

– Ведьм или духов? – не понял юноша.

– Всех! А, ладно, ну их...

Хомяк с мрачным урчанием принялся скрестить себя за ухом задней лапой.

– Плешь протрёшь! —сказал Энке. – Кстати, а этот здоровяк – тоже раб?

Хомяк перестал скреститься и встряхнулся.

– Не, он работник, запродался вождю за долги. Семьи нет, бобылём живёт и сердится на весь мир за свою плохую долю. Да ну его, дурня, поговорим лучше о девчонке, она того стоит!

Энке молчал. Сколько же всего успел узнать этот странный зверь, шмыгая под ногами сэйдов!

Грызуций, не дождавшись ответа, продолжил:

– Кажется, её родичи продали её Атангве не от хорошей жизни. Старый пузан, вероятно, хочет от неё ребёнка, более удачного, чем то рыхлое туловище, которое зовётся его сыном. Маме-ведьме это поперёк. Проклятая карга не даёт младшей прохода, положение у бедняжки хуже рабства. Соберёшься бежать – подумай о ней!

– Да... да ведь я с ней даже ни одного слова не сказал!

– Это никогда не поздно сделать! – назидательным тоном сказал грызун. – А теперь ложись-ка спать, кто знает, что завтра будет!

С этими словами хомяк скрылся в темноте.

Делать было нечего, и Энке завернулся в одеяло. Травяной сок, которым он натёр лицо и руки от комаров перед выходом на рыбалку, давно смыло морской волной, и теперь насекомые начинали досаждать. Юноша тщательно закрыл голову шкурой и заснул. Ему приснилась мать, она сидела у маленького очага *хабагана*, шила рубаху из оленьей замши и тихонечко пела, сам он тоже был у этого очага, лежал на старой, вытертой шкуре лося и наслаждался теплом. А потом в *хабаган* вошла Туссету. Она взяла его за руку и вывела наружу, и сразу стало холодно и неудобно.

Энке проснулся. Оказалось, что во сне он выкатился из одеяла, и теперь его нещадно кусали комары. Он вновь завернулся с головой и заснул до утра, теперь уже безо всяких сновидений.

Ночью погода переменилась. Откуда-то натащило тяжёлых облаков, и утро следующего дня выдалось туманным и холодным.

Энке проснулся от звука голосов сэйдов. Говорили Атангва, Энакалим и ещё кто-то. Можно было разобрать, что гости собрались в путь домой.

– Туман, – сказал вождь. – Побудь ещё.

Но Энакалим не захотел остаться. Какие-то важные дела ждали его в родной стороне. Сэйды, пленившие Энке, простились с вождём и пошли вниз, к берегу. Каждый из них тащил большую связку меховых одеял.

В шкуре, которую вечером принесла Туссету, было тепло и сухо. Вылезать не хотелось, да этого пока никто и не требовал. Он завернулся поплотнее и задремал.

Когда Энке снова открыл глаза, облака уже разошлись, и солнце стояло высоко. Туман улетучился, воздух прогрелся, в селении кипела жизнь. Воротница была поднята, женщины деловито сновали под ней к берегу и назад со шкурами и горшками, а дети – те бегали просто так, с криком, размахивая палками и маленькими луками.

Атангва стоял перед дверями своего жилища и смотрел вперёд, на деревню. Энке видел широкую спину вождя, обтянутую замшевой рубахой, и наверхие священного жезла, лежащего на плече Атангвы. Со стороны казалось, будто тучный старик собирался почесать этим жезлом загривок.

Энке уже совершенно проснулся, но твёрдо решил не двигаться с места без крайней нужды. Он украдкой огляделся – не было видно ни хомяка, ни плошек с едой и водой. Юноша прикрыл веки и стал внимательно следить за происходящим.

Старшая жена Атангвы вышла из дома и направилась к воротнице. В руке она держала длинную роговую мешалку для мяса. За женщиной вразвалку шагал дюжий работник, взвалив на плечо кожаный мешок. Вытащился и сынок, зевнул, почесал затылок и о чём-то спросил отца. Тот мотнул головой.

Сын-толстяк не унимался и продолжал что-то говорить гнусавым голосом. До Энке долетали лишь обрывки речи сэйдов.

– ...испытание... удальцы... все ходят... – бубнил сынок.

– ...хватит... никаких... всё здесь будет... – отвечал вождь.

Наконец, Атангва несколько возвысил голос и, должно быть, повернулся лицом в сторону Энке, так что последние его слова прозвучали вполне чётко и понятно:

– Раз уж ты захотел в удальцы – вон там раб спит, гони-ка его работать!

Ощущение внезапной опасности резким жаром разлилось по всему телу пленника. Вот и началось!

– Ты ещё здесь? – спросил Атангва. – Давай-давай, подними его!

Через полуприкрытые веки Энке видел, как сын вождя сунул в рот что-то съедобное и принялся жевать. Потом направился в его сторону.

«Ну, давай, сало рыхлое! – подумал юноша. – Давай, гони меня!»

Толстяк шёл прямо на него. Энке не дёрнулся ни единым мускулом, но внутри собрался и напрягся, как перед ударом острогой, или перед выстрелом из лука. Бывает такой миг, когда видишь только дичь, и кажется, что воздух вокруг начинает звенеть.

Сынок приблизился и слегка пнул его ногой.

– Вставай, ты, пёсий корм!

Ох, не в лучший свой день он это сделал! Энке хоть и не умел сражаться, но мог при некотором везении схватить рукой плывущую рыбку. Быстрым, почти неуловимым для глаза движением юноша вскинул свободную руку и дёрнул Тейюки за башмак ещё раньше, чем тот успел опустить ногу на землю. Молодой сэйд, не ожидавший ничего подобного, с глухим стуком рухнул на землю, выбив из старой шкуры маленькое облачко пыли.

Энке тотчас же отбросил одеяло и вскочил на ноги.

– Я убью тебя! – пронзительно завизжал сын вождя и воздвигся перед пленником во всю свою величину – на голову выше и вдвое толще. В руке Тейюки оказался ножик – не тот большой, который он выпрашивал вчера на берегу, а маленький, из тёмного кремня.

Покажи готовность умереть – умирать не придётся!

Энке хмуро, не мигая, смотрел прямо в широкое бледное лицо Тейюки. Он вложил в свой взгляд всю ненависть к врагам вообще и к этому отдельному толстобрюху, привыкшему в любое время протягивать руку за жратвой и не знающему, что такое настоящие голод и холод.

– Не убьёшь! – сквозь зубы процедил тавальд.

Лишь миг продолжалось это противостояние, но Энке успел увидеть свою победу. Маленькие, утопающие в складках бледной кожи глазки Тейюки потупились, рука с ножом начала опускаться... И тут старшая оглянулась назад, на крик своего сыночка.

– Кайко! Кайко! Куда смотришь, пёс?! – завопила она и, размахивая мешалкой, бросилась выручать кровиночку.

Здоровяк подоспел раньше неё. Отпихнув Тейюки в сторону, он схватил Энке за горло и поднял в воздух. Пленник попытался достать Кайко кулаком по лицу, но его руки были короче, чем у врага. Кулак пришёлся в воздух, а большой сэйд швырнул юношу наземь и стал бить ногами.

Из-за другого угла дома выскочила Туссету.

– Что делаешь? – выкрикнула она, бросаясь на Кайко с кулаками. – Убьёшь *хича*, чем ответишь?

Кайко на миг остановился в замешательстве. Его положение в доме Атангвы было подчинённое – он хоть и сохранял свободу, но жена вождя могла сказать ему «пёс». Возможно, он и оставил бы Энке, но Ога была уже тут как тут.

– Не твоего ума дело! – хрипло заорала она и наотмашь ударила Туссету мешалкой по лицу.

Младшая жена отшатнулась, закрыв лицо руками, и едва не упала на шкуры. Ога зашипела, как змея, и обрушила мешалку на скорчившегося на земле пленника. Тут Кайко опомнился и вновь хватил Энке башмаком под рёбра. Тейюки пыхтел у них за спинами – он тоже хотел стукнуть, но ему было не подступить.

Атангва видел всю эту сцену, и она ему очень не понравилась. Плохо было всё, от начала и до конца. Заслышав шум и крики, клеаматцы полезли из своих жилищ посмотреть. Откуда-то донёсся смех. И, что было для предводителя хуже всего, от дверей своего дома к происходящему внимательно приглядывался Теанаркут. Пора было положить этому конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.